

ВАСИЛИЙ *Grandmaster* ГОЛОВАЧЕВ

Криптозой

Василий Васильевич Головачев

Криптозой

Серия «Криптозой», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123174*

Аннотация

В Гиперсети Мироздания социум Земли – всего лишь один из уровней, и далеко не высшей иерархии, а люди – программы, «тени» ее Создателя. Если они выходят из повиновения, проявляя свободу воли, естественный шаг вышестоящих контролирующих служб – корректировка или устранение. Мятежный оператор земной метареальности Ювинга вместе с полковником-разведчиком Кириллом Тихомировым и талантливым программистом-хакером Лавриком Киндиновым, разработавшим алгоритм Преодоления Невозможного, вынуждены бежать в иные пространства и слои универсума, спасаясь от подобной участи. Единственная возможность уцелеть – это вырваться за пределы Гиперсети и противопоставить произволу ее разработчика высшую справедливость Первозамысла.

Содержание

Интерлюдия	4
Глава 1	12
Глава 2	27
Глава 3	48
Глава 4	65
Глава 5	81
Глава 6	98
Глава 7	116
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Василий Головачев

Криптозой

Он на земле был только странник,

Людьми и небом был гоним.

М. Ю. Лермонтов. «Ангел смерти»

Интерлюдия

Выстрел был не слышен.

Пуля попала в левое переднее колесо джипа, он резко вильнул, выехал на полосу встречного движения и врезался в несущийся на большой скорости пустой самосвал. Скрежет тормозов, визг покрышек, удар!

Джип развернуло и снесло еще дальше, на крайнюю полосу шоссе. Под вой клаксонов и скрип тормозов в него врезались еще несколько машин. Самосвал тем временем продолжал двигаться боком и налетел на трейлер, а тот, в свою очередь, отвернул вправо и сбил бензовоз.

Еще удар! Взрыв!

Ключья и струи горящего бензина разлетелись по шоссе в радиусе пятидесяти метров. Одна из струй окатила тормозивший пикапчик на базе «Москвича», за рулем которого сидела женщина. Пикап налетел на автобус, перевернулся и взорвался. Женщина-водитель не успела выбраться из ка-

бины, а ее пассажира, открывшего дверцу, выбросило на асфальтовую ленту. Превратившись в живой факел, он поднялся, прошел, шатаясь, с десятков метров, упал. Пламя погасло. К мужчине подбежали люди, перевернули на спину, срывая дымящиеся остатки одежды, но он был уже мертв...

Оператор в коконе эйдоконтроля покачал головой и остановил движение. Картина трагедии на шоссе Нижний Новгород – Москва застыла. Оператор еще раз покачал головой. Расчет узла коррекции был настолько безупречен, что совпали даже мелкие детали плана оперативного вмешательства с его реализацией. Объект был ликвидирован так виртуозно, что никто не смог бы усмотреть в трагедии злой умысел. Вернее, направленный процесс. И все же было безмерно жаль объект, достигший определенного уровня и ставший в этой реальности фигурой духовного влияния.

– В чем дело? – послышался голос второго оператора. Всего под куполом иезода контроля находилось одиннадцать человек. Точнее, существ, похожих на людей, но обладавших иным набором органов чувств и возможностей.

– Я изменяю программу, – сказал первый оператор по имени Ювинга, остановивший движение бытия в объеме сети контроля.

Соседний кокон эйдоконтроля раскрылся, из него выглянул оператор-2, изумленно глядя на кокон первого оператора. Его звали Даблинга. Раскрылись и остальные коконы, похожие на огромные кожистые яйца с рисунком вен.

Первый оператор выбрался из своего «делателя реальности» и прошелся по упругому живому светящемуся полу иезода, поглядывая на прозрачные стены купола, за которыми горели костры миров. Вызвал службу иезода и вынул из воздуха бокал с мерцающим внутри зеленоватым текучим пламенем. Медленно выцедил.

– Ты с ума сошел! – проговорил оператор-2, подходя к нему и проделывая ту же процедуру. Только пламя в его бокале было сиреневого цвета. – Зачем тебе это понадобилось?

– Надоело, – скривил губы Ювинга. – Надоело скрупулезно исполнять спущенные сверху непреложные Законы и Ограничения. Этот парень, которого мы ограничили, достоин того, чтобы жить. Он – шестой из серии отклонений, которую я называю «отступлением к совершенству». Шестой, понимаешь?! Может быть, дать ему шанс? Пусть попробует изменить мир.

– Он не может изменить свой мир произвольно! Для этого ему нужна обратная связь.

– Я дам ему канал, пусть попытается понять, кто он на самом деле.

– Каким образом?

– Через меня. Я спущусь туда, в его реальность.

– Ты с ума сошел! – повторил Диаблинга, оглядываясь на коллег, собравшихся вокруг возникшего стола с напитками. – Спустившись туда, ты станешь обыкновенным фанто-

мом с ограниченными возможностями и небольшим количеством жизней. К тому же назад ты можешь и не вернуться. Он, – оператор-2 поднял глаза к потолку, – не одобрит твоего своеволия.

– Я приму меры, – усмехнулся Ювинга. – Меня будет очень сложно вычислить в той реальности.

– Все равно это опасно, – проворчал Диаблинга. – Я бы на твоём месте не рисковал. Какого дьявола! Чего тебе не хватает?

Оператор-1 ответил не сразу:

– Не знаю... может быть, острых ощущений?

– Ты и так можешь внедрить свою психоматрицу в любого человека той реальности, чтобы получить острые ощущения.

– Иллюзия жизни неравноценна жизни.

– Но ведь это **МЫ** живём в полном смысле этого слова! А наш подопечный игровой объём – лишь майя! Сон! Иллюзия!

– Не совсем. Любой из них может достичь нашего уровня и выйти из игрового объёма в нашу реальность. Мы тоже – из своего в высшие планы. Да и кто знает, что реально в этой жизни, а что нет.

– Ты пробовал? Я имею в виду – переход вверх?

– Нет.

– А один из моих приятелей пытался.

– Ну и что?

– Его стерли!

– Кто лежит, тот не падает. – Ювинга похлопал собеседника по плечу, залез в свой кокон. – В случае чего ты ни при чем. Я сам выбрал свою судьбу.

Кокон закрылся.

Операторы иезода заторопились по своим местам, перебрасываясь шутками, обещая друг другу «до предела осложнить жизнь». Лишь одиннадцатый оператор не шутил сам и не отвечал на обращения. Он слышал разговор первого и второго операторов и взвешивал свое решение. Закрывшись в своем коконе и воспарив над контролируемым словом метареальности, он преодолел запрет на контакт, играющий роль системы ограничения доступа к Гиперсети, и вызвал оператора вышестоящего уровня.

Их контакт длился несколько секунд, после чего одиннадцатый оператор «спустился» к себе и забыл о том, что произошло.

Первый оператор в этот миг закончил процесс внедрения своей психоматрицы в сознание выбранного индивидуума в реальности, называемой Землей, и вышел в игровое пространство...

За мгновение до выстрела за спиной снайпера, удобно расположившегося на крыше неработающего поста ДПС, возникла призрачная фигура, сотканная из тумана. Снайпер потянул за курок винтовки, ствол которой следил за движением джипа, что-то мелькнуло у него перед окуляром, словно солнечный зайчик ударил по глазам... и пуля попала

не в скат, а в ступицу колеса. Джип дернулся, однако не свернул влево, как было рассчитано, и миновал точку коррекции. Стрелять по нему еще раз с этой позиции было уже нецелесообразно.

Снайпер выругался, опустил винтовку и оглянулся. Но сзади уже никого не было. Лишь в воздухе таяло редкое облачко то ли дыма, то ли тумана. Заговорила рация:

– Сотый, Сотый, в чем дело?! Почему не стрелял?!

Снайпер открыл рот, чтобы ответить, и замер, услышав еще один голос – внутри головы, бесплотный и бесстрастный:

«Спокойно, капитан! Не торопись объяснять необъяснимые вещи. Говорить и думать будем теперь вместе, беру управление на себя».

– Кто... ты?! – прошептал снайпер.

«Не вслух, капитан, учись отвечать мысленно. Я твой бог защиты. И не только твой. У нас с тобой ответственная миссия – выжить самим и спасти одного парня. Приготовился? Начинаем...»

– Сотый, что ты сказал?! – донесла рация свирепый шепот руководителя операции.

– Я... промахнулся, – окрепшим голосом ответил снайпер.

Рация принесла порцию мата и умолкла.

Сухие твердые губы снайпера изогнулись, обозначая улыбку, желтые глаза на мгновение вспыхнули, когда он под-

нял голову к небу и подмигнул неизвестно кому.

Внезапно на шоссе что-то изменилось.

Самосвал, несшийся по левой полосе с большой скоростью, вильнул вправо, и снайпер не услышал, а всей обострившейся сферой восприятия почувствовал выстрел.

Очевидно, пуля попала в правое заднее колесо самосвала, пробив оба его ската. Он резко отвернул, наталкиваясь на пикап «Москвич» с женщиной за рулем, попытавшийся объехать его еще правей, и на этот пикап налетел бензовоз, также тщетно старавшийся затормозить и не попасть в аварию.

Рев сигналов, скрип тормозов, грохот множественных столкновений!

Пикап перевернулся. На него рухнул бензовоз. Раздался взрыв! Струи и клочья горящего бензина разлетелись в радиусе полусотни метров от места трагедии. Пикап вспыхнул. Женщина-водитель не успела выбраться из кабины, и хотя ее пассажиру удалось это сделать, спастись ему было не суждено. Облитый горящим бензином, он прошел, шатаясь, несколько метров и упал. Пламя на нем погасло. Но когда к нему подбежали люди, он был уже мертв.

А вот женщина-водитель не пострадала! Ей удалось накинуть на себя куртку и выскочить из кабины, когда вокруг уже бушевало пламя. Лишь загорелась куртка, которую она поспешила отбросить прочь, рванувшись к мужчине.

Снайпер – в миру капитан группы особых операций Мос-

ковского СОБРа Игорь Утолин, – открыв рот, смотрел на горящие машины, и вместе с ним, но с иными чувствами, смотрел на узел коррекции тот, кто понимал, что произошло на самом деле.

Программа ограничения или попросту – ликвидации Фигуры Влияния в этом мире была продублирована! Психоматрица оператора, внедренная в сознание и подсознание снайпера, не могла помочь тому, кто был обречен более мощной программой коррекции данной реальности. И оператор понял, что назад ему дороги нет!

«Кажется, мы с тобой крепко влипли, капитан, – проговорил внутри головы Утолина голос его «бога защиты». – Придется выкручиваться».

Капитан не ответил. У него было точно такое же мнение.

Глава 1

Встреча на мосту

Каньон был поистине великолепен! Солнце стояло высоко, и он был виден весь, на всю глубину, как на ладони, и дух захватывало от его величественных слоистых стен, колоссальных плитчатых останцов, живописных скал и вьющейся по его дну реки с прозрачной водой и галечными берегами.

Наблюдатель, стоящий на самой высокой горе над каньоном, шевельнул пальцем, и каньон стал удаляться, терять четкие очертания, расплываться под сгущающейся дымкой атмосферы, стал одним из коричнево-зеленых пятен на пузатом боку Земли. Наблюдатель повис над планетой между тонкой вязью облаков и черной бездной неба, полюбовался фрактальными очертаниями материков и океанов, затем устремился ввысь. Через несколько мгновений он расположился над плоскостью эклиптики Солнечной системы на расстоянии ста миллионов километров от центральной звезды и некоторое время разглядывал шары планет, пояс астероидов – неплохую выдумку разработчиков метареальности – между четвертой и пятой планетами, еще один пояс – кометно-астероидный, на краю системы, за орбитой последней планеты – Плутона. После чего устремился дальше по «этажам» Вселенной, обозревая Галактику, дав-

шую жизнь Солнечной системе и Земле, скопление галактик, струи скоплений галактик, образующие сетчато-ячеистую структуру местной Вселенной, и наконец «корону» из черных дыр, ограничивающую сферу жизни.

Дольше всего Наблюдатель рассматривал великолепную четырехветвистую спираль Галактики с ее сияющим ядром – балджем, в центре которого находилась довольно массивная черная дыра, – так она была красива! В некотором роде Наблюдатель был эстетом, не чуждым эмоций. Закончив свое путешествие по мирам «слоеного пирога»... реальностей, он вышел из местной метареальности и оказался в Сфере Сущностного Сосредоточения, которую на человеческом языке можно было бы отразить термином «командный пункт» или Центр Управления Всем Сущим.

Описать Сферу тем же человеческим языком невозможно, так как сознание людей отражало бы ее по-разному, в силу опыта, знаний, фантазии и ощущений. Она имела большее количество измерений и являлась одновременно и конкретным объектом, и пространственным континуумом неизмеримой сложности, и Вселенной со своими законами и константами.

Наблюдатель, порождение этих законов, мог принимать любой облик в любой реальности из подвластных ему миров, но чаще всего при прямых контактах с такими же, как он, существами равных уровней «слоеного пирога реальностей», предстал перед ними в образе человека. Таким

был Творец Гиперсети, Отец Второго Замысла, такими были и его дети – контролеры иезодов, осмысливающие Творение Отца и создающие собственные вселенные. Наблюдателя при этом можно было назвать Выразителем Несогласия, а того, кто ждал его в Сфере Сосредоточения, – Ангелом Воплощения.

Они встретились в центре «зала», церемонно поприветствовали друг друга и, не стовариваясь, создали вокруг пейзаж для беседы: огненная река, по одну ее сторону – зеленые кущи, леса и цветущие луга, глубокое голубое небо, золотое ласковое солнце, по другую – хаос каменных россыпей, жуткие скалы, дымящиеся пропасти, тусклые кровавые всполохи и ручьи малиновой вязкой лавы, стекающей по склонам вулканов, а также мост, соединивший оба берега огненной реки.

– Ты расстроен, – констатировал Ангел, одетый в ослепительно белые одежды; лик его был задумчив и кроток, хотя в глазах отражались колоссальный ум, понимание и воля.

– Будешь тут спокоен... – вздохнул Выразитель Несогласия, щеголявший в сложном текущем костюме цвета утренней зари: платиновые и золотистые струи, нежно-оранжевые переливы, розовые звезды и голубые перья.

– Снова бунт в резервации? – догадался Ангел. – Какой же уровень взбунтовался на этот раз?

Он имел в виду то обстоятельство, что миры, созданные его собеседником, время от времени начинали жить непред-

сказуемо, переставали подчиняться программам контроля и достигали высот самореализации, позволяющих им не подчиняться законам их метареальности. И тогда Выразителю Несогласия приходилось усмирять непокорных, свертывать программы развития и сбрасывать возникшие очаги своеволия в хаос очищения.

– Да вот появился еще один претендент на роль Демиурга, – проворчал Выразитель с легкой усмешкой. – Решил, что ему все дозволено, что он самостоятелен и самодостаточно.

– Какой уровень затронут на этот раз?

Он имел в виду, что Вселенная Выразителя была нелинейной, многоуровневой, и каждый уровень был для их обитателей абсолютно реальным.

– Шестой.

– Кто носитель?

– Человек, претендующий на роль Фигуры Влияния.

– Случайно не из твоего клона?

Имелось в виду то обстоятельство – и Ангел знал это, – что одна из рас-программ шестого уровня (планета Земля) была создана по образу и подобию Выразителя.

– К сожалению, нет. – Выразитель добродушно рассмеялся. – С этим вопросом я ошибся, мой клон, к великому сожалению, себя не оправдал и деградирует. Но все равно я добьюсь своего.

Ангел кивнул. Он знал, что его собеседник мечтает

об Абсолютной Свободе самовыражения, отставляя Познание Первозамысла на второй план. Выразитель Несогласия давно и безуспешно пытался изменить Базовые Принципы, чтобы стать Корректором Первозамысла, однако ему мешал Закон, «вмороженный» в Первотворение Создателем, Закон, опирающийся на этику высшего порядка. Но такая этика не устраивала идущего вслед за Творцом.

Выразитель, прищурясь, посмотрел на Ангела:

– У тебя таких проблем нет?

Ангел улыбнулся:

– Нет.

– К сожалению, у нас разные подходы к Предначертанности и Предназначению.

– А ты сделай как я: дай им полную свободу.

– Чтобы они потом объявили всеобщее равенство, добрались до меня и ограничили? Нет уж, я сделаю иначе: сотворю программу, равную по значению Первозамыслу. Она преодолеет барьеры Отца, и тогда Первым стану я!

Ангел с сомнением покачал головой:

– Едва ли это возможно. Барьер Первозаконна для нас непреодолим. Для тебя – в особенности.

– Почему только для меня?

– Ты ведь отрицаешь такие категории этики, как Святость и Праведность, Совесть и Великодушие, а Первозакон базируется именно на них.

– Глупости! – с досадой махнул рукой Выразитель. –

Нет таких преград, которые нельзя было бы преодолеть!

От взмаха его руки огненная река под мостом запылала ярче.

Ангел внимательно посмотрел на затвердевшее темное лицо собеседника. Выразитель Несогласия не был адептом Хаоса и Тьмы, отрицающим направленную организацию форм материи, но создаваемые им структуры являлись отражениями таких категорий метаэтики, как Безмерное Тщеславие, Презрение, Агрессивная Вседозволенность, Ложь и Предательство. Подобные структуры отражали темные стороны созидания и уводили в сторону от осмысления Первозамысла всех, кто пытался понять и описать Абсолют и Сущность Творца.

– Ты рискуешь стать Проклятым, – тихо сказал Ангел.

– Ерунда! – отмахнулся Выразитель, вызывая огненную бурю в реке и черные смерчи по ту сторону моста, где зеленели луга и леса. – Я достаточно силен, чтобы идти своим путем.

Движением бровей Ангел рассеял смерчи, вздохнул:

– Удачи я тебе желать не буду. Но ты делаешь ошибку.

Выразитель беспечно рассмеялся:

– Хочешь, поспорим? Я выйду за границу отведенных мне пространств и добыю своего!

Ангел покачал головой и исчез.

Вместе с ним исчез мост, соединяющий мир огня и смерти с чистым сияющим миром, называемым людьми по-разному:

Рай, Ирий, Славь. Миром, где царило Согласие. Выразитель остался висеть в воздухе над рекой, задумчиво разглядывая ее и зеленое раздолье по ту сторону реки. Вытянул вперед руку, сводя пальцы особым образом. С торца ладони вырвалась ветвистая черная молния, ударила в холм на берегу, поросший высокими странными растениями, похожими на хвои или на папоротник. Растения потеряли цвет, съежились, почернели, оплыли. Холм растрескался и осел, начал расплываться дымящейся зеленовато-серой лужей. В то же мгновение рука Выразителя раскалилась докрасна, поросла чешуей и превратилась в длинный корявый вырост с черными когтями.

Выразитель озадаченно оглядел свою руку, погладил ее другой рукой, возвращая прежнюю форму и цвет. Холм в мире Слави перестал корчиться и плыть, засиял, окутался ослепительной золотистой короной и восстановил очертания. Только растения на нем возникли другие, похожие на березы с золотыми листьями, как символы чистоты и светлых надежд.

Выразитель взбил ладонью гриву черных волос на голове, плюнул в реку, что вызвало в ней образование черного провала, и нырнул в этот провал, как в омут.

* * *

Вынырнул он у стен гигантского мрачного замка, распо-

ложенного на вершине горы причудливой формы. Гора была окружена хаосом таких же необычных гор, скал и хребтов, заполняющих все видимое – на миллиарды и миллиарды километров! – пространство. Небо над этой горной страной представляло собой пелену буро-фиолетового тумана с неяркими светлыми прожилками, напоминающими рисунок вен на человеческой коже. Изредка из этой пелены высовывались расплывчатые темные фигуры жутких очертаний и прятались обратно. Ни звезд, ни солнца этот бесконечный, сложный, многомерный мир не имел.

Замок, как бы проросший из недр горы, поражал мрачной готической красотой и сам представлял собой сложнейшее многомерное образование. Слово «замок» не отражало его сущностной оценки и всех заложенных в нем потенциалов, функций, структур и алгоритмов, но все же больше всего для его оценки, описания и восприятия на человеческом языке подходило понятие «замок». Это была обитель Выразителя, созданный им узел пространств и времен, своеобразный Центр Управления, из которого он наблюдал за всеми своими творениями и корректировал их жизнедеятельность.

Его встретили Исполнители Желаний Господина, предугадывающие каждое его движение и даже тень мысли. Таким был создан обслуживающий персонал Замка, представляющий собой одну коллективную интеллектуально-динамическую систему, не имеющую инстинкта самосохранения. Точнее, подчиненную Господину до степени полной несамосто-

ательности и гиперпослушания. Система была так отлажена и совершенна, что Выразитель ее не замечал и не выражал никаких эмоций, получая то, что было необходимо ему в данный момент. Однако его настроение было минорным, и хозяин нашел-таки причину, чтобы придрататься к обслуживанию и заменить одну из систем «живой автоматики», позволившую напомнить Хозяину о его планах.

Вспомнив спор с Ангелом Воплощения, он некоторое время бродил по комнатам-пространствам Замка, размышляя о способах реализации собственного Замысла, затем с удобствами расположился в иезоде коррекции реальности и снова вышел в уровень над Метавселенной, которую создал сам.

В этом тяжелом материальном мире с закрытой памятью были созданы такие условия жизни, которые позволяли лишь отдельным населявшим его сущностям пройти «ады» социума и стать личностями планетарного и космического масштаба. Беда крылась в том, что эти сущности, преодолевая уровни совершенствования, не хотели подчиняться Господину и не терпели жесткого контроля. Таких приходилось ограничивать. Тем же, кто осознавал принципы Творения своего мира и подчинялся программе Господина, разрешалось создавать свои вселенные, и они становились операторами уровня, корректорами реальностей с заданными параметрами и известной степенью самостоятельности.

Выразитель внимательно оглядел свои владения – от макрообъектов гигантских масштабов до элементарных частиц –

и вызвал изезд контроля данной Мета вселенной, корректирующий «нижние этажи» реальности.

Уровень операторов, участвующих в «игре виртуальностей», был очень высок. Они давно догадались, что являются «живыми» программами, подчиненными замыслу Господина, но приняли условия игры и с удовольствием играли реальностями нижних уровней, образующими Гиперсеть инвариантов сущего – Миров, в каждом из которых работала своя команда операторов. На их деятельность, как и на деятельность самого Господина, было наложено ограничение в виде префактического модуля обратной связи, о чем догадывались далеко не все операторы, а лишь наиболее сильные и «продвинутые», так называемые Фигуры Влияния или Персоны Воли. Но именно они и являлись фактором беспокойства Выразителя, отказываясь от слепого подчинения базовым программам, имеющим статус Законов и Принципов. За время существования Гиперсети Выразителю пришлось сменить не одну команду операторов (он «сбрасывал» их в нижние слои-проекции игры), пока не выросла система контроля критических отклонений. Но и она не являлась абсолютным гарантом власти Выразителя над созданной им же Гиперсетью миров. Время от времени проявлялась очередная супериндивидуальность, Персона Воли, и надо было изменять константы реальности, чтобы возникшее «отклонение к совершенству» не распространилось на всю Гиперсеть.

Сойдя на нижний уровень Сети в форме «духа», Вырази-

тель остался сущностью, представ перед операторами иезода этого уровня в виде существа из плоти и крови, хотя мог бы воплотиться в любого из них. Но ему важен был разговор, чтобы оценить настроение подчиненной команды, поэтому прямое считывание информации не требовалось.

Операторов этого уровня (их можно было условно квалифицировать как операторов уровня-2, в то время как сам Выразитель был оператором уровня-1¹) насчитывалось пять. Все они, являясь индивидуальными исполнителями и творцами реальности уровня-3, были связаны системой контроля в единое целое, хотя обладали свободой самовыражения в пределах своего уровня.

Появившись в сфере иезода контроля уровня-2, напоминающего Центр Управления, владыкой которого был сам Выразитель, но с меньшим количеством степеней свободы (измерений), Создатель Гиперсети оглядел замерших от неожиданности операторов и усмехнулся, забавляясь их испугом и растерянностью. Прямыми контактами он их не баловал, предпочитая внедрение в психику нужного оператора.

– Приветствую вас, мои *тени*, – сказал он. – Кажется, меня здесь не ждали?

Операторы – с виду люди с текучей наружностью (в пределах формы человеческого тела) – переглянулись. Они сидели за Оком Контроля, которое можно было с долей истины назвать объемным дисплеем, и забавлялись тем, что «гоня-

¹ Оператором Абсолют-уровня в этой иерархии является Творец Вселенной.

ли» по границам игровой программы операторов уровня-3, заставляя их устранять возникающие «спонтанно» дисгармонии, неустойчивости и бифуркации. Нередко в результате таких забав эти неустойчивости не компенсировались, биоценотные системы метареальностей разрушались и становились строительным «мусором», из которого операторы уровня-2 создавали фундаменты новых антихаотических систем.

– Великий Искуситель! – пробормотал один из операторов, предпочитающий желто-оранжевую цветовую гамму одежды².

Выразитель Несогласия покачал пальцем.

– Но-но, уважаемая тень, не слышу в голосе должного почтения. Тем более что термин «искуситель» отражает лишь небольшую часть моих задач. Итак, господа, по моим сведениям, у вас возникла проблема под названием «отклонение от нормы». Координаты?

– Вы же знаете... – заикнулся оператор в желто-оранжевом.

– Если я спрашиваю, надо отвечать!

– Уровень-6, – тихо сказал второй оператор, одежда которого дымилась всеми оттенками коричневого цвета.

На самом деле он произнес мысленную фразу, имеющую не один смысл, но перевести ее на человеческий язык можно

² То, во что одевались операторы этого уровня, лишь условно можно было назвать одеждой, так как это была лучистая материя «тонких планов», сродни пленке текучего огня или пелене излучения.

было и как «уровень-6».

– Метагалактика в эпохе интенсивного аллогенеза, – добавил «серо-черный» оператор. – Желтая звезда в периоде обслуживания социума. Планета Земля. Территория с сильнейшей стагнацией памяти поколений – Россия, настроенная на принципиальное появление сильных операторов.

– Кто разрешил?

Операторы иззода-2 снова переглянулись.

– Вы, экселенц, – почтительно склонил голову «желто-оранжевый» оператор.

Выразитель сдержал крепкое словцо (мысль), помолчал, прощупывая психосферы собеседников. Аура «желто-оранжевого» ему не понравилась, оператор явно жаждал самостоятельности и умел скрывать свои мысли. Им стоило заняться в индивидуальном порядке. Но позже.

– Что произошло на уровне-6?

– Возник устойчивый энергоинформационный объем, не подчиняющийся внешнему контролю.

– Носитель?

– Человек, один из духовных наставников России программы «волхв».

– Разве вы не в состоянии его ограничить?

– Чтобы ограничить влияние растущей депрессии, мы заблокировали границы и спустили Пса³ на нижние уровни, однако носителю отклонения помог оператор уровня-6.

³ Имеется в виду антивирусная программа.

Внедрился в психику кого-то из своих теней – людей и исчез.

– Имя?

– Вишьяпарика Ювинга. Сам он называл себя Демиургом.

Выразитель поднял брови, глаза его мрачно вспыхнули.

– Он не лишен юмора. Но что я слышу? Взбунтовался оператор нижнего уровня! Тень моей тени! Подпрограмма в глобальной программе игры! И вы не смогли с ней справиться?!

Операторы иезода-2 отвели глаза.

– Мы его найдем, – пообещал «серо-черный» оператор. – От наших Псов еще никто не уходил, тем более на нижних уровнях.

– Немедленно измените сценарий игры и ликвидируйте!.. – Выразитель умолк, ловя возникшую идею. – Впрочем, постойте, это мы всегда успеем... Что, если этот новый носитель сможет стать зондом?..

– Кем? – с удивлением спросил «желто-оранжевый».

Выразитель очнулся.

– Пусть все идет своим чередом. Я не верю, что индивидуальность масштаба уровня-6 сможет достичь самореализации вашего уровня, но кто знает? Вдруг этот носитель преодолет потенциальный барьер между сферами Универсума и откроет путь к Абсолюту? Может быть, он недаром назвал себя Демиургом?

Операторы молча смотрели на своего Господина, тщательно скрывая свои мысли.

Выразитель улыбнулся, оглядел их лица с мерцающим ог-

нем скрытого сомнения и ожидания невозможного в глазах, помахал рукой:

– До новых встреч, тени.

– Что прикажете нам делать, Создатель? – подобострастно спросил «коричневый» оператор.

– Все, что считаете необходимым в нынешнем положении.

С этими словами Выразитель исчез и вышел уже в своем Замке. Выразитель не верил, что нарушитель спокойствия, житель планеты Земля, действительно представляющий, по сути, подпрограмму в программе реализации этой реальности, сможет стать энергоинформационным зондом и проникнуть в Сферу Базового Задатчика, принадлежащего Творцу. Зато и жалеть, в случае гибели зонда, будет некого: подпрограммы для того и были созданы, чтобы ими управлять, заменять их и нейтрализовать. В конце концов можно было заменить даже всю эту программу, которую люди Земли считали Вселенной. А выигрыш стоил свеч.

Власть!

Небывалая, необъятная, невероятная, бесконечная и вечная Власть!..

Глава 2

Такие вот дела

Бабушка умерла на сто четвертом году жизни, ночью, во сне. Господь забрал ее тихо-тихо, бережно и нежно, словно задул свечу – и все. И одной доброй душой на свете стало меньше.

Казалось, она будет жить всегда, никому не мешающая и вечно всем необходимая. В последние годы она сильно сдала, мало двигалась, похудела, буквально высохла, плакала, встречая внуков, плакала, провожая их, но в глазах горел все тот же огонек заботливости и доброты, а губы виновато улыбались, будто она стеснялась своей беспомощности и еще более того, что живет так долго.

И вот ее не стало, и в ее старом доме, да и в той части Пскова, где знали Ульяну Георгиевну, поселилась печаль.

Жила бабушка Ульяна в древнем квартале Запсковья, недалеко от церкви Козьмы и Демьяна с Примостья, в собственном бревенчатом доме, построенном еще в середине девятнадцатого века прапрадедом Ильей. Теперь этот дом осиротел и как-то сразу постарел, осел и потемнел, будто из него вынули душу. Впрочем, так оно и было. Дом знал, что никто не заменит хозяйку, кто бы здесь ни поселился.

На похороны Кирилл приехал последним из всех род-

ственников, сестер и братьев. Работал он начальником отдела оперативного реагирования ФСФР – Федеральной службы финансовой разведки при Министерстве финансов – и с трудом добился разрешения на выезд из столицы в Псков на два дня.

Кириллу Ивановичу Тихомирову пошел сорок первый год. Родился он в июне тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года в Пскове, там же закончил школу и политехнический институт. Затем пятнадцать лет проработал в Службе внешней разведки (сфера деятельности – анализ финансовых потоков европейских стран) и уволился из СВР после расформирования отдела. Затем был востребован Службой финансовой разведки России и, проработав там два года, возглавил отдел оперативного реагирования.

Из всей обширной семьи Тихомировых Кирилл отличали целеустремленность, самостоятельность и вера в себя. Он был открыт всему новому, изобретателен, склонен к анализу, любил все классифицировать и раскладывать по полочкам, что не раз помогало ему в жизни. Вместе с тем он обладал великолепной реакцией, отказывался от второстепенных вещей ради достижения поставленной цели и умел обходиться минимумом необходимого, что не раз выручало его в экстремальных ситуациях.

Родившись ребенком хилым и болезненным, Кирилл начал в шесть лет заниматься физкультурой, увлекся самбо, потом другими видами боевых искусств и в двадцать во-

семь лет стал чемпионом Европы по дзюдо в среднем весе. Еще через десять лет он получил титул «сокола соколов» по русбою, хотя мало кто знал об этом: посвящение в «соколы» не афишировалось адептами русбоя. Да и работал Кирилл тогда в сверхсекретной конторе, закрытой не только для журналистов и широкой общественности, но и для большинства властных структур.

Выглядел он моложе своих лет. Метр восемьдесят четыре. Развернутые плечи, приятная осанка, темные волосы, короткие, но пышные. Продолговатое лицо, прямой нос, подбородок с ямочкой и спокойные внимательные серые глаза, иногда вспыхивающие ледяным блеском предостережения. Что бывало редко. Весь облик Тихомирова создавал удивительное впечатление надежности, спокойствия и непробиваемой уверенности в себе. Что вполне соответствовало истине. Единственное, чего Кириллу не хватало в жизни, по его собственному мнению, – это умения быстро завязывать теплые, дружеские отношения, а по оценке начальства – интереса к политической жизни. Хотя сам Кирилл недостатком это не считал.

Похороны бабушки Ули состоялись во вторник третьего марта на старом кладбище в Запсковье. О месте похорон договаривались родичи Кирилла в его отсутствие, ждали только его, и как только он загнал машину во двор дома, похоронная процессия двинулась в путь. Решено было пронести гроб с телом Ульяны Георгиевны по улице, где ее все знали,

потом погрузить в автобус и уж затем ехать на кладбище.

Шел двенадцатый час дня, везде еще лежал снег, мороз держался на уровне десяти градусов – весна и не думала возвращаться на Псковщину, – однако люди терпеливо шагали за гробом и молчали, вздыхая. Оркестра не было. Бабушка Уля не терпела шума и громких проводов.

У автобуса толпа начала расходиться, остались только те, кто должен был ехать на погост, всего шестнадцать человек, считая и Кирилла. Машин на всех не хватило. Пришлось возвращаться к дому бабушки, где ее соседки начали уборку и подготовку к поминкам. В машину Кирилла сели трое: сестра Люда, тетка Валя и бабушка Степанида. Остальные разместились в автобусе – отец и мама Кирилла, двоюродные сестры и братья, дядька Довмонт и две тетки – и в машине Михаила, старшего брата Кирилла.

До кладбища доехали не быстро: гололед и снег не способствовали передвижению процессии; подождали, пока сторож откроет замок, заехали на пяточок за воротами, откуда гроб снова на руках отнесли в маленькую церковь при кладбище. Отпели Ульяну Георгиевну скоро, тихо и до обидного буднично. Тетки и сестра всплакнули, а Кирилл чувствовал себя неуверенно и не знал, куда девать руки со свечой, с которой горячий воск все время капал на пальцы.

Могилу бабе Уле вырыли рядом с могилой ее мужа, погибшего в пожаре на льняной фабрике, где он до восьмидесяти семи лет работал в охране. Там же находились моги-

лы ее отца и матери и других родственников. Однако у свежерытой могилы процессию неожиданно остановили два дюжих молодца в ватниках с лопатами. Один из них держал в руке мобильный телефон.

– Поворачивайте, – грубо сказал один из них, обросший рыжей щетиной. – Эта дырка занята.

Люди, провожавшие Ульяну Георгиевну в последний путь, онемели от неожиданности.

– Но мы же заплатили! – наивно воскликнула Антонина Петровна, мать Кирилла и она же – дочь бабушки Ули. – Это место бабушки! Тут весь наш род лежит...

– Ничего вашей бабке не сделается, если она полежит в другом месте. Здесь хоронить запрещено.

– У нас есть разрешение...

– Несите к забору, – махнул рукой второй могильщик, с мобильным телефоном, закуривая. – Дырка уже выкопана. Да побыстреей, нам некогда, клиенты косяком пошли.

– Но так нельзя! – растерянно проговорил Иван Васильевич, отец Кирилла, переглядываясь с мужчинами. – Мы заплатили, договорились, ваш начальник обещал...

– Сказано – несите к забору, значит, несите! Нечего лясы точить. А то сами закапывать свою бабку будете. Там вон еще покойника привезли, более сговорчивого.

– Что будем делать? – обратился расстроенный Иван Васильевич к остальным.

– Может быть, им на лапу дать? – вполголоса предложил

брат Кирилла. – Скинемся по полтиннику...

– Я уже давал, – признался Иван Васильевич.

– Значит, мало давал, это же мафия, их тут много.

– Сколько надо? – подошел к молодцам Иван Васильевич.

– Ты столько за сто лет не заработаешь, батя, – ухмыльнулся могильщик с рыжей щетиной. – Это место у березки забронировал один очень важный начальник, так что несите свою старуху дальше.

Кирилл поймал полный недоумения и боли взгляд мамы и шагнул вперед.

– Кто из вашего начальства сейчас на месте?

Могильщики посмотрели друг на друга, одновременно пожалы плечами.

– Мы тут начальники. Да и зачем он тебе? Все равно придется хоронить в другом месте.

– Проводите меня к вашему боссу.

– Да пошел ты... – Парень с сигаретой не договорил.

Кирилл подошел к нему вплотную, вонзил заледеневший взгляд в мутные глаза мордоворота и тихо произнес:

– Веди!

Могильщик вздрогнул, выронил сигарету, бросил на напарника тупой взгляд и зашагал к двум низким строениям у ворот кладбища, в одном из которых находилась мастерская по изготовлению надгробий и памятников, а во втором обитали сами могильщики.

– Эй, Дёма, ты куда? – забеспокоился рыжебородый.

– Жди здесь, – сказал ему Кирилл не допускающим возражений тоном.

Молодец с мобильником привел Тихомирова к домику мастерской, распахнул дверь, свернул налево, открыл еще одну дверь, толстую, обитую утеплителем, и Кирилл оказался в небольшом, но уютном и хорошо обставленном кабинете. Здесь стояли шведский холодильник «Вагриус», плазменный телевизор «Армада», мини-бар «Дрофа», стол из вишневого дерева и четыре низких кожаных кресла. За столом сидел средних лет лысый господин в черном костюме и читал газету. Он с удивлением оглядел неожиданных гостей.

– В чем дело, Дёма?

Голос у господина был густой и булькающий, как у прото-дьякона, будто он говорил животом.

– Да вот, хотят с вами поговорить, – упавшим голосом произнес молодец с мобильником и попятился к двери.

– Иди.

Могильщик вышел.

– Слушаю вас, – пробулькал лысый, кивая на кресла. – Присаживайтесь. Чем могу?

– Спасибо, я постою, – отказался Кирилл. Покачал головой, оглядывая интерьер кабинета начальника похоронной команды. – Хорошо живете, господин старшой. Неплохо, видать, зарабатывает ваш синдикат.

Блеклые глаза лысого метнули молнии, губы сжались.

– С чем пожаловали, господин... э-э?

– Полковник Тихомиров. – Кирилл издала показал свое удостоверение малинового цвета с золотым двуглавым орлом.

– Какие проблемы, полковник? – поджался лысый.

– Это не у меня проблемы, а у вас, – усмехнулся Кирилл. – Ваши мальчишки перепродали участок, принадлежащий уважаемому человеку.

– Не может быть! – покачал головой директор кладбища, не особенно удивившись. – У нас с этим строго.

– Пойдемте, покажу.

Лысый посмотрел на дверь.

– Дёма!

В кабинете появился квадратнолицый могильщик, успевший сунуть в рот еще одну сигарету.

– О каком участке речь? Этот гражданин утверждает, что вы... э-э... поменяли участок.

– Так вы же сами велели, Клавдий Хазиахметович. Участок номер сто сорок три, там новая планировка, две могилы убираются, а на их место...

– Чей это участок?

Могильщик покосился на Кирилла.

– Вот его родственницы.

– Это моя бабушка, – сказал Кирилл. – Необходимые документы получены, за работу уплачено, а нам говорят – место занято! Это как понимать?

Лысый перевел взгляд на могильщика:

– Участок оставить! Помогите людям похоронить старушку.

– Но там же...

– Я сказал – оставить! Потом поговорим.

Квадратнолицый пожал плечами, повернулся и потопал из кабинета босса, бурча что-то под нос. Лысый начальник кладбища развел руками, приятно улыбнулся:

– Ошибочка вышла, товарищ полковник. Запомню, как вас...

– Тихомиров.

– А что у вас за служба, если не секрет?

– ФСФР.

– Я так соображаю, Федеральная служба финансовой разведки?

– Правильно соображаете, – кивнул Кирилл, удивляясь в душе осведомленности начальника провинциального кладбища. – Значит, мы можем продолжать похороны?

– Несомненно. У нас иногда случаются накладки, вы уж не обижайтесь.

Кирилл поклонился и вышел, унося в памяти цепкий и далеко не ласковый взгляд лысого босса.

Его встретили вопросительными взглядами изрядно продрогшие на морозе родичи.

– Все в порядке, – коротко доложил Кирилл. – Можем хоронить, где наметили.

– Спасибо, сынок, – просияла мать.

Все засуетились, взялись за гроб. Женщины заплакали. Кирилл тоже с трудом удержался от слез, вспоминая ласковые бабкины руки и добрую улыбку.

Молодцы, которые вели себя до этого по-хамски пренебрежительно, молча занялись своим делом. Вскоре гроб с телом бабушки Ули был опущен в могилу, закидан землей, сверху насыпали аккуратный продолговатый холмик и воткнули в него деревянный крестик с именем умершей. По весне отец и дядьки пообещали поставить крест побольше с портретом бабушки и покрасить оградку. Церемония похорон закончилась.

Могильщики, получив от Тихомирова-старшего по сотне «за услуги», проводили родственников «клиента» равнодушными взглядами и, вскинув лопаты на плечи, побрели туда, где их ждал еще один «клиент». Кирилл подумал, что не мешало бы выяснить, по какой причине местная похоронная мафия решила перенести место захоронения, но связываться с этими людьми не хотелось. Наверняка все уперлось бы в «ошибку» персонала.

С кладбища возвращались в молчании.

За стол сели в пять часов пополудни, когда уже начало смеркаться.

– Как тебе удалось убедить тех бандитов? – подсел к Кириллу брат Михаил. – Я уж думал – придется отступить. Не драться же с ними на кладбище.

– Попросил по-хорошему, они прониклись, – ответил Кирилл.

Михаил недоверчиво покачал головой:

– Что-то я не припомню случая, чтобы кладбищенская мафия откликалась на добрые слова. Такие структуры признают только силу или деньги.

– Ты не рад, что все закончилось мирно? – прищурился Кирилл.

– Почему? Рад, конечно. Просто подумал, что надо было идти всем мужикам, для представительства.

– Такие конфликты лучше всего решать тихо, без угроз и силового давления. Махать кулаками попусту не стоит.

– А ты мог бы их побить, если бы понадобилось?

Кирилл улыбнулся:

– Мог бы.

– Они же вон какие здоровые! Хотя ты ведь до сих пор занимаешься рукопашкой?

– Это образ жизни.

– Понимаю. Хотя отношусь к этому по-другому. Как говорится, водка – сила, спорт – могила. А приходится применять навыки в твоей работе? Кстати, чем ты занимаешься на своей службе? Чудно, ей-богу, – финансовая разведка. Звучит как подглядывание за чужими деньгами.

– Навыки применять не приходилось, а занимаюсь я довольно нудным делом – охраняю финансовых инспекторов. Бывают случаи, когда на них оказывается давление, им угро-

жают, суют взятки, требуют не совать нос куда не надо и даже захватывают в заложники. Тогда поднимают по тревоге мой отдел, и мы разряжаем ситуацию. А вообще наша служба сугубо гражданская, мирная, призванная отслеживать финансовые потоки всех уровней. По сути это компьютерный финансово-аналитический центр при Минфине.

– Значит, иногда тебе все-таки приходится воевать?

– Ну, смотря что понимать под этим термином. Во всяком случае, оружие и боевые навыки мы применяем редко.

– Но все же применяете?

Кирилл не успел ответить. К нему подседа мама, и разговор свернул в другое русло. Вспоминали бабушку, ее мужа и родителей, согласились, что бабы Ули будет всем не хватать, поговорили о житейских проблемах. Дед Степан предложил продать бабкин дом, но с ним не согласились, так как дом оставался особым местом, хранилищем памяти поколений, хранилищем традиций, где всегда собирались родичи Тихомировых и Пантюшиных, чтобы не только пообщаться и вспомнить прошлое, но и подпитаться положительной энергетикой этого места. Решено было, что в дом переедет тетка Валентина, которая жила в двухкомнатной квартире в центре Пскова вместе с семьей младших Пантюшиных.

Засиделись до позднего вечера. Потом мужчины вышли покурить, пока женщины прибирали в доме. Кирилл не курил, но постоял вместе со всеми, не принимая участия в раз-

говоре. На него снова напала тоска, хотя он и понимал, что бабушка не могла жить вечно. Да и умерла светло, умиротворенно.

Отец и дядьки поговорили еще о том о сем и стали расходиться. Вскоре в опустевшем доме остался один Кирилл, собиравшийся переночевать здесь, а утром отправиться в Москву. Побродив по комнатам со скрипучими половицами, он расположился в бывшей спальне отца, за печкой, поворочался некоторое время, прислушиваясь к тишине дома, потом понял, что не уснет, и встал. Выбрал на полке томик из собрания сочинений Некрасова, зажег торшер, расположился в кресле в горнице, где он всегда любил сидеть, когда приезжал сюда, и начал листать книгу, вспоминая, как держал ее в руках много-много лет назад, когда еще учился в школе. Наткнулся на знакомое стихотворение, медленно прочитал вслух:

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны –
Я песни родине слагал!

И в это время послышался стук в дверь.

Кирилл удивленно глянул на часы: третий час ночи. Подумал: кто бы это мог быть? Может, вернулся отец, чтобы сыну не было одиноко?

Но это был не отец.

Прислушиваясь к своим ощущениям и не чувствуя холода тревоги, Кирилл вышел в сени, включил свет и распахнул дверь. На него исподлобья, оценивающе смотрела высокая молодая женщина в собольей шубке с непокрытой головой. На улице шел легкий снежок, и волосы ночной гостьи искрились от снежинок, словно посыпанные жемчугом. Она была не то чтобы красива, но миловидна, с крупными, красивого рисунка губами и слегка раскосыми зеленовато-серыми глазами. И эту женщину Кирилл знал. Ее звали Лилией Калашниковой. Больше десяти лет назад она была его женой.

– Здравствуй, – сказала она низким, слегка хрипловатым голосом, от которого он когда-то сходил с ума. – Я опоздала? Бабу Улю уже похоронили?

Кирилл кивнул, сглатывая слюну, как замороженный разглядывая бывшую жену.

– Как жаль! – огорчилась Лилия, сморщив нос. – Я поздно узнала, а так хотелось успеть.

Кирилл промолчал, подумав, что ее присутствие не принесло бы радости никому из его родных и близких. Никто из них не знал причины ее ухода от него, все осуждали жену и не жаждали с ней встреч. Все, кроме него самого.

Лилия усмехнулась:

– Ты не вступишь меня?

Кирилл очнулся, безмолвно отступил в сторону. Потом выглянул на улицу, ища глазами машину или какой-нибудь другой транспорт, на котором прибыла Лилия, ничего и ни-

кого не увидел и закрыл дверь.

В горнице сильно пахло смолой, на полу еще лежали еловые ветки. Гостья сбросила шубку и осталась в серебристо-белой пушистой водолазке, обтягивающей высокую грудь, и бежевого цвета, с черными кистями, юбке. Кирилл предложил ей теплые тапочки, которые баба Уля держала специально для гостей, и Лилия сбросила кремовые сапожки почти без следов снега. По-видимому, ее высадили у дома Тихомировых и машина сразу уехала. Хотя Кирилл и не слышал мотора.

– Чай, кофе? Могу сделать глинтвейн.

– Я не замерзла. Но от глинтвейна пожалуй, не откажусь.

Кирилл отмерил в необходимых пропорциях ингредиенты для напитка: красное сухое вино бордо, сахар, корица, гвоздика и две дольки апельсина и лимона, подогрел вино, смешал все и подал гостье в фарфоровой чашке – бокалов у бабы Ули не водилось издавна.

Лилия взяла чашку обеими руками, отхлебнула, поискала глазами, где бы сесть, и Кирилл усадил ее в свое кресло. Когда-то и ей нравилось сидеть в нем, забравшись с ногами, в те времена, когда они вместе приезжали погостить на родину Тихомировых.

Словно подслушав его мысли, она поджала ноги и с удовольствием расположилась в кресле, сразу придав уют и законченность интерьеру комнаты.

– Ты один? – Лиля подняла взгляд на хозяина, севшего

на стул у круглого столика, стоявшего по центру горницы.

Кроме стола, кресла, трех стульев и кровати, здесь еще стояли этажерка с книгами, платяной шкаф, подставка с телевизором «Енисей» – подарком Кирилла, и прялка, чей возраст не уступал бабушкиному. На стене висели олени рога и старые фотографии в рамках – своеобразная история рода. Кроме рогов и фотографий, на другой стене, между окнами, висел репродуктор времен Отечественной войны, а в углу красовалась старинная икона в серебряном окладе – божья мать с младенцем на руках.

– Один, – с запозданием ответил он, понимая, о чем идет речь.

Лилия оценила его заторможенность, улыбнулась с какой-то странной грустью.

– Не ожидал?

– Нет, – честно признался Кирилл.

– Почему не женился?

– Не нашел пары.

– Может быть, плохо искал?

– Ты же знаешь, что это бесполезно. Женщина, необходимая как воздух, встречается на пути только раз. Мне не повезло, что это была ты.

Лилия с любопытством посмотрела на собеседника.

– Раньше ты говорил другое.

– То было давно. Я был молод и влюблен.

– А сейчас разлюбил?

Кирилл промолчал, ловя себя на мысли, что не знает ответа на этот вопрос. Но представить, что Лилия снова с ним, было трудно.

Подождав ответа, гостя сделала вид, что ничего особенного не заметила. Взгляд ее упал на затрепанный томик Некрасова на столе. Она взяла его в руки, перелистнула и прочитала со значением:

За личным счастьем не гонись
И богу уступай, не споря...

– Говорят, ты работаешь в другом месте. Это правда?

– Правда.

– Почему ты решил уйти из своей сверхсекретной конторы?

– Расформировали одну из служб, счел за благо уйти в отставку.

– Но ведь и новая служба – тоже разведка?

Кирилл внимательно посмотрел на женщину. Она не спрашивала, она знала о месте его новой работы, хотя выяснить это было довольно сложно, не имея доступа к кадровой службе ФСФР.

– Ты неплохо информирована для обыкновенного бухгалтера.

Лилия засмеялась.

– А может быть, я уже главный бухгалтер.

Заметив, как неприязненно сжались губы Тихомирова, она перестала смеяться, добавила виноватым тоном:

– Извини, шутить в такой день грешно. Жаль, что ушла баба Уля. Я ее тоже любила. Кристальной души был человек.

Помолчали.

Потом Лилия допила глинтвейн, поставила чашку на стол, остро пригляделась к лицу Кирилла.

– А ведь ты, похоже, не простил... ведь так?

Кирилл стиснул зубы, чтобы не наговорить лишнего. Прошлое всколыхнулось в душе с такой силой, что заняло сердце.

Лилия понимающе качнула головой, усмехнулась сквозь все ту же странную грусть и боль.

– Похоже, шансов у меня нет.

– У нас разные жизни, – с трудом разлепил губы Кирилл.

– Наверное. Ты не хочешь спросить, как я живу?

Он посмотрел ей в глаза, но прямого взгляда не выдержал, отвернулся. Сказал глухо, понимая, что выглядит неуверенно:

– Нет!

В своих мечтах он не раз проигрывал ситуацию возвращения жены, но там все было так романтично и празднично, можно сказать, торжественно, что едва ли могло реализоваться в жизни. И он не был уверен, что простил жене ее увлечение. Он тогда уехал в Германию и год не возвращался, выполняя задание, требующее полной самоотдачи. Но она

этого не поняла и демонстративно подала на развод...

– Что ж, значит, не судьба, – сказала она с грустной улыбкой, превращаясь в прежнюю Лилию, властную и своенравную. – По правде говоря, я тоже редко вспоминала тебя, такого прямого и твердого. Мой второй муж ни разу не дал мне повода сомневаться в нем.

– А я давал?

– Во всяком случае, ты никогда не делился со мной своими заботами, никогда не спрашивал меня, чем я занята... – Она прервала себя. – Впрочем, зачем я тебе об этом говорю?

Кирилл отвернулся, помолчал.

– Кто твой муж?

– Он недавно погиб... при странных обстоятельствах. Авария на шоссе, взорвался бензовоз... я чудом осталась жива... Сообщаю не для того, чтобы ты сочувствовал.

– Прости...

– Кстати, я до сих пор не уверена, что была тогда виновата перед тобой. Если бы ты захотел, ты бы меня понял.

Она потянулась, вылезла из кресла, так что в разрезе юбки мелькнуло красивое бедро; фигура у нее была все такой же прекрасной, вызывающе женственной и влекущей.

– Прощай, полковник.

Он тоже поднялся.

– Куда же ты на ночь глядя? Оставайся, места хватит.

Она покачала головой.

– Меня ждут. К тому же у меня неприятности, не хочу,

чтобы они отразились на твоей праведной жизни. Если бы ты этого действительно хотел, я бы осталась. Спасибо за глинтвейн.

– Но сейчас не ходит никакой транспорт. Подбросить тебя?

– Не беспокойся, я доберусь. Прощай, Кирилл Иванович. Давно хотела встретиться с тобой, посмотреть, каким ты стал. Жаль, что нас свел этот прискорбный случай. Но ты не изменился.

Кирилл нахмурился.

– Это плохо?

Она погрузилась.

– Не знаю... Для тебя, наверное, хорошо.

Лилия взяла шубку и зашагала к двери, ступая широко и решительно. На пороге оглянулась:

– Один вопрос, если можно. Если мне вдруг понадобится твоя помощь, ты не откажешь?

Он озадаченно пожевал губами, не зная, что стоит за словами Лилии.

Она усмехнулась и вышла.

Постояв несколько секунд в ступоре, Кирилл опомнился, выбежал в сени, потом на улицу.

Шел снег. В полусотне метров мелькнула в свете фонаря светлая фигурка.

– Я помогу! – крикнул он.

– ...сибо, – донеслось из снежной круговерти.

Фигурка исчезла.

Вот и все, проговорил кто-то внутри Кирилла трезвым голосом. Вы больше не встретитесь. А ее просьба о помощи – только тест на вежливость. Ты обладаешь многими достоинствами и умениями, полковник, кроме одного: умения прощать. Может быть, поэтому счастье так и не поселилось в твоём доме?.. Кстати, что она там говорила о неприятностях? Муж погиб... неприятности... Может быть, ей тоже угрожает опасность?..

Захотелось броситься вслед за ней, остановить, ударить, убить и воскресить снова, заплакать и засмеяться и с ненавистью признаться, что он до сих пор любит ее...

Кирилл провел ладонью по лицу, стирая капельки воды от растаявших снежинок, покачал головой и вернулся в дом. Зря не спросил, где она работает, пришла вторая трезвая мысль. Придется искать по старым каналам.

До утра он так и не уснул, а утром пришел отец, помог очистить двор от снега и выкатить машину сына за ворота. Попившись чаю и поговорив с Иваном Васильевичем о предстоящих заботах по уходу за могилой бабушки, Кирилл обнял его и поехал в центр Пскова, на улицу Толстого, где жила мама. Попрощался и с ней. Но о том, что приезжала Лилия, он не сказал ни отцу, ни матери.

Через полчаса Кирилл был на шоссе Москва – Санкт-Петербург. Еще через несколько минут он заметил, что его «двадцатку» сопровождает черная «Волга».

Глава 3

Пришествие необъяснимого

Все звали его Лавриком, хотя шел ему уже тридцать восьмой год и по паспорту он был Лаврентием Павловичем Киндиновым. Слежку за собой он заметил случайно, когда по привычке зашел поужинать в китайский ресторанчик «Дружба» рядом со станцией метро «Новослободская»; очень уж там был хорош «шведский стол», которым можно пользоваться хоть целый день – благо количество подходов не ограничивалось.

Съев салат из медуз и утиные яйца в желе, Лаврентий обратил внимание на взгляд человека в сером свитере и вспомнил, что он его уже видел. Этот парень встретился ему еще днем, когда Лаврентий ездил на своем новеньком «Фольксвагене-Бора» для получения визы: в отпуске он хотел побывать в Австралии. Затем молодой человек в куртке и лыжной шапочке провожал Лаврика по дороге из офиса к автостоянке. И вот теперь он сидел в ресторане за три столика от него и делал вид, что ужинает.

Лаврик не обратил бы на него внимания, если бы не этот острый изучающий взгляд, таящий скрытую угрозу и пренебрежение. Будто обладатель свитера, куртки и вязаной шапочки знал за Лавриком некие прегрешения, рисующие его

в негативном свете.

Впрочем, прегрешения у Лаврика были.

Во-первых, он был любопытен и в свободные от работы минуты нередко залезал в чужие сети, взламывал серверы и секретные файлы с весьма серьезной защитой, хотя хакером не был. Точнее, был им несколько лет назад, до того как его пригласили работать программистом в Центробанк, а оттуда – в службу финансовой разведки. В настоящее время Лаврентий Киндинов работал главным специалистом центра компьютерных технологий ФСФР и сам вынужден был сражаться с хакерами, которые норовили взломать защиту центра.

Вообще же парень в свитере олицетворял собой последнее звено в цепи странных происшествий, в течение последних трех месяцев преследовавших Лаврентия. А началось все с визита сурового с виду мужика лет тридцати пяти, который, как оказалось, знал о Лаврике все и который предложил ему решить интересную проблему. За очень большие деньги. И Лаврентий не удержался от соблазна, хотя речь шла о создании универсального алгоритма, позволявшего взламывать любую защитную систему, какой бы принцип она ни использовала.

Подогревало интерес Лаврика и то обстоятельство, что современные компьютеры недавно получили способы защиты не только от онлайн-грабителей, но и от так называемых «зомби-атак», когда ложные пакеты идут с различных непо-

вторяющихся ай-пи-адресов, принадлежащих несуществующим компьютерам – «зомби». Вдобавок к этому ученые предложили новинку – фотонный способ защиты от вторжений, использующий на страже информации фотоны-близнецы, реагирующие на внешнее влияние одновременно и одинаково, даже если они разнесены на немалые расстояния; этот способ позволял отслеживать и ловить злоумышленника очень быстро – в течение нескольких минут. В свое время Лаврентий пытался разработать соответствующую технологию обхода такой защиты, но забросил, так как появились новые интересы, связанные теперь уже с защитой сетей, а не с нападением на них. Теперь же, получив от визитера заказ, он взялся за его реализацию с интересом и энтузиазмом, не заботясь о последствиях. По его убеждению, проблемами последствий и безопасности сетей и вообще информационных разработок должны были заниматься компании, заинтересованные в сохранении тайн.

Лаврентий Киндинов с рождения был склонен к анализу, пытался все объяснить с точки зрения логики, имел высокие интеллектуальные показатели и целеустремленно добивался поставленной цели, что помогло ему поступить в институт, закончить его и стать классным специалистом, знающим принципы работы современных компьютеров, в том числе квантовых.

Вместе с тем для него характерны были резкие перепады настроения, стремление отодвинуть на потом решение важ-

ных общественных вопросов, отсутствие интереса к людям и материальной сфере, заикленность на своих рабочих проблемах и пренебрежение к проблемам житейским. Вероятно, именно эти черты характера и отпугивали женщин, с которыми он завязывал отношения, поэтому попытавшись дважды начать семейную жизнь, он в конце концов отказался от дальнейших экспериментов и жил один, целиком отдаваясь работе.

Зарабатывал он неплохо и мог позволить себе жить на широкую ногу, тем более что в наследство от деда ему досталась хорошая четырехкомнатная квартира в районе Суворовской площади, недалеко от сада ЦДРА. Однако в силу тех же личностных приоритетов Лаврентий тратить деньги не любил, в том числе на одежду и рестораны (ресторан «Дружба» не в счет, это был обыкновенный пункт питания, достаточно дешевый и расположенный близко к дому), и позволил себе потратиться лишь на приобретение компьютера и машины. Виртуальное пространство компьютера стало его второй вселенной, более необходимой, чем реальная, а машина стала средством доставки тела в нужную точку городского пространства, более удобным, чем все остальные транспортные средства. Хотя ездил Лаврентий в основном на работу да иногда к родителям и друзьям, точнее – приятелям, таким же фанатам компьютерных развлечений. Друзей у Лаврика не было со школьных времен.

Если бы он обращал на себя хоть чуточку внимания,

от женщин отбоя бы не было, так как природа наградила его почти всем: ростом (метр девяносто), широкими плечами, осанкой, красивыми пышными волосами, волной падающими на шею, хорошо вылепленным лицом с прямым носом и карими глазами.

Бриться он не любил и периодически зарастал до протодьяконовского облика, что при минимальном уходе даже шло ему. Беда была в том, что Лаврик забывал даже о минимальном уходе за собой и брился, а заодно мылся и приводил в порядок одежду не чаще одного раза в месяц.

Лицо его слегка портили губы, слишком большие и безвольные (в школе его дразнили губошлепом), но подбородок – крутой и сильный – скрашивал общее впечатление, и если красавцем Лаврика назвать было трудно, то уверенным в себе экземпляром мужика – можно. Знали обратное только женщины, с которыми он встречался по необходимости. Что, впрочем, его абсолютно не трогало. Лаврентий Павлович Киндинов был вполне самодостаточен и упрям в своих заблуждениях.

Появление парня в шапочке, олицетворявшего некую структуру, о которой Лаврентий имел самое смутное представление, переполнило наконец и его чашу терпения. Надо было что-то делать, с кем-то советоваться, а он не знал – с кем, ибо понимал, что довериться приятелям не может. Тем более что в жизни началось необъяснимое.

За три месяца, прошедшие с момента получения задания

от визитера, представившегося капитаном Утолиным, Лаврик добился многого, постепенно подбираясь к решению задачи, но как только у него начало что-то получаться, тут же пошла полоса необычных происшествий, тянувшаяся до сих пор.

Сначала он потерял свой паспорт. Во всяком случае, его не удалось найти нигде, хотя Лаврентий не поленился перерыть всю квартиру, гараж и машину, а также опросил всех знакомых, у кого он мог случайно оставить удостоверение личности. Паспорт канул в неизвестность. И тут же через два дня после этого открытия к Лаврентию нагрянула милиция с проверкой паспортного режима. Лаврик был вполне законопослушным гражданином и не знал, правомочна ли такая проверка, но честно доложил о потере паспорта. За что и пострадал. Двое суток его продержали в КПЗ районного отдела внутренних дел «для выяснения личности», потом заставили заплатить штраф и отпустили.

На работе ему долго пришлось объяснять свое отсутствие, и хотя ему поверили – главный специалист по компьютерам не пил, в дурных компаниях замечен не был, – но стали поглядывать косо. Служба все же была серьезная и не прощала своим работникам ошибок и обмана.

Через три дня после получения нового паспорта произошла очередная неприятность. У Лаврика вскрыли гараж и хотя машину не угнали, но вытащили из нее ноутбук, с которым он не расставался даже в дороге, и комплект зим-

ней резины. Пропажу комплекта Лаврентий пережил спокойно, а вот потеря ноутбука подействовала на него угнетающе. Тем более что в нем хранился оперативный файл по разработке программы «универсального взлома сейфов», которую сам Лаврик называл Программой ПН – Преодоления Невозможного.

На этом, однако, неприятности не кончились.

В январе «Фольксваген» Лаврентия подрезала темно-синяя иномарка – «БМВ» последней модели, он резко свернул вправо и аккуратно въехал в снегоборщик, покалечив машину по полной программе. Травм удалось избежать по причине малой скорости движения. Чиниться же после этого пришлось около месяца, но главная неприятность крылась в другом: у Лаврика отняли водительские права. На полгода. Хотя в принципе виноват в автоаварии он не был.

Права он по совету приятелей выкупил через две недели за изрядную сумму и ездил теперь осторожно, контролируя все догоняющие машины.

А в феврале воры залезли в квартиру и вынесли всю видеотехнику, не тронув почему-то компьютер, за что Лаврентий был им очень благодарен. Правда, пропали все трехдюймовки, денситины и сидюки, но сам комп не пострадал, а дискет хотя и жалко было, однако ничего серьезного Лаврентий на них не держал. Как и в памяти своего классного «Мака». Единственное, что позволили себе оставить взломщики квартиры, проверив память «Мака», это заставку, воз-

никающую при загрузке операционных систем в виде рисунка, чье название обычно пишут хулиганы на стенах подъездов и на заборах.

О том, что воры оставили еще и «троянского коня»⁴, Лаврентий выяснил чуть позже, когда понял, что кто-то считывает его программы во время работы «Мака».

Он запустил антивирус, просмотрел реестр, инициальные файлы, директорию автозапуска, заодно глянул и на список процессов в поисках «странного» и проверил описания троянов. Когда таким образом удалось вычислить нахала, Лаврик послал ему пожелание обозначиться и получил в ответ ехидную улыбку и имя хакера: Гуру. Кто скрывался под этим именем, выяснить не удалось.

И наконец на него наехали настоящие бандиты, встретив Киндинова в подъезде его собственного дома поздно вечером, когда он возвращался от знакомой, которая терпела его редкие появления.

Бандитов было двое, в масках, они отобрали у Лаврентия кошелек, часы, интерактивные очки для объемных видеоигр, а главное – дискету с фрагментом решаемой задачи ПН. Затем бандиты избili Лаврентия до беспомыслия и исчезли.

На крики не вышел ни один жилец дома, и Лаврентия обнаружила старушка, выгуливавшая дворнягу-мопса разме-

⁴ «Троянский конь» – программа для считывания информации, заложенной в компьютер.

ром со спичечный коробок. Найти грабителей не удалось. Лаврик не смог внятно описать их облик и одежду. Зато у начальства на работе появился еще один повод для недовольства и негативной оценки сотрудника. Проявил к нему сочувствие лишь один человек – Кирилл Тихомиров, начальник группы оперативного реагирования, занимающийся охраной фининспекторов и розыскной службой. До этого момента он казался Лаврику человеком в футляре, уравновешенным во всех отношениях, подчеркнуто вежливым и спокойным.

Понятное дело, Лаврентий не стал посвящать его во все детали своей побочной работы, несмотря на живое человеческое участие с его стороны, однако общаться с ним стал больше и даже как-то пригласил в кафе – на двадцать третье февраля, чтобы отметить мужской праздник не в одиночестве. Теперь же, сидя в ресторане и посматривая на парня в свитере (шапочку и куртку тот, естественно, снял, словно обычный посетитель), Лаврентий пожалел, что не рассказал Тихомирову все, что с ним приключилось в последнее время. Это был, наверное, единственный человек, который мог бы ему помочь.

Допив кофе, не чувствуя его вкуса, Лаврентий встал из-за стола, и тотчас же поднялся парень в свитере, быстро направился к выходу из ресторана. На объект своего внимания он не смотрел, но обольщаться не стоило: Лаврентий никак не мог миновать входной двери и собственной машины.

Потоптавшись в нерешительности в вестибюле, он выглянул на улицу, увидел за трамвайными путями знакомую фигуру в куртке и шапочке, терпеливо топтавшую кашу из грязи и снега, и повернул обратно. В вестибюле он достал мобильный телефон и позвонил Тихомирову, молясь в душе, чтобы полковник ответил.

Ему повезло. Начальник группы оперативников оказался дома. Выслушав сбивчивую речь Киндинова, он сказал всего одно слово: «жди», и появился в ресторане буквально через двадцать минут, оправдывая свою должность, хотя жил на окраине столицы, в Крылатском.

– Он там... – дернулся было Лаврентий к выходу, но Кирилл взял его под руку, подтолкнул в зал.

– Я обратил внимание. Пойдем посидим. Я только что приехал домой и не успел поужинать.

Они уселись в уголке зала, почти никогда не заполнявшегося до отказа, Кирилл сделал заказ и сказал, когда официантка в красном кимоно удалилась:

– Рассказывай.

Лаврентий, не брившийся уже больше двух недель, поскреб бородку, усы, в нерешительности пригладил волосы, поймал насмешливо-уверенный взгляд Тихомирова и криво улыбнулся:

– Не знаю, с чего начать...

– С самого начала, – усмехнулся в ответ Кирилл, отмечая боковым зрением появление в зале парня в шапочке. Тот по-

шарил глазами по столикам, обнаружил Киндинова и скрылся.

– Ты не поверишь, – пробормотал Лаврик.

– Это зависит от того, что и как ты расскажешь.

– Но это может быть опасно! К тому же я занимаюсь этой работой... – Лаврентий прикусил язык, все еще не решаясь признаваться в незаконности своей «исследовательской деятельности». Когда его пригласили в Федеральную службу финансовой разведки, он дал подписку не только о неразглашении тайны, но и о запрете на самостоятельное решение задач частного характера. Одним словом, ему разрешалось, если чесались руки, лишь играть и разрабатывать игровые мультимедийные программы.

Тихомиров понимающе кивнул, принимаясь за еду. Он заказал рыбу в кляре, два чисто китайских салата из огурцов, жареных водорослей и лапши, а также соевый суп с пирожками.

– Если боишься, лучше не начинай. Я поем и поеду.

Лаврентий вспотел, отпил минералки, глубоко вздохнул.

– Дальше будет еще хуже... а посоветоваться не с кем. Я, конечно, псих, что взялся за это дело, но более интересной работы я еще не встречал. К тому же мне выдали полный пакет существующих кряков⁵, некоторые из них я никогда не применял и даже не знал об их существовании, а также

⁵ Кряк или крякалка – программа для вскрытия других программ.

уникальную аноним-аксеску⁶. Я хоть и примат⁷, но такой еще не встречал!

– Кто тебе все это выдал?

– Он назвался Игорем Утолиным и предъявил удостоверение капитана какой-то спецслужбы.

– Какой?

– Я не понял. Там еще было напечатано: «Подразделение спецопераций».

Тихомиров хмыкнул:

– Зачем капитану спецназа понадобилось искать компьютерщика на стороне? У них своих хватает.

– Он заплатил... – Лаврик осекся, виновато посмотрел на оставшегося спокойным собеседника, торопливо добавил: – Но я не из-за денег взялся. Честное слово, интересная проблема. За такую вообще можно взяться без вознаграждения, потому что если удастся ее реализовать – Нобелевка обеспечена!

– Понятно. Теперь давай обо всем по порядку.

Лаврик покосился на входную дверь ресторана, еще раз глубоко вздохнул и, словно ныряя в омут с головой, начал рассказ.

Когда он закончил, Тихомиров допивал чай. С виду он был невозмутим и рассеян, но Лаврентий чувствовал, что собеседник заинтригован и обеспокоен. Ожидать, что он по-

⁶ Access – уровень доступа.

⁷ Примат – прикладной математик.

хвалит компьютерщика за успехи, не приходилось. Лаврик опустил голову, понимая, что влип в глупую, а главное – в опасную историю.

– Это похоже на процесс, – проговорил наконец Кирилл.

– Какой процесс? – не понял Лаврентий.

– Тебе это как системщику-программисту ничего не напоминает?

Лаврентий задумался.

– Ну, если отвлечься от реалий... и применить блат-язык... это похоже на роутерное блокирование вируса в режиме чекиста⁸.

– Я не силен в вашей зубодробительной терминологии, но смысл понял. На тебя оказывается направленное воздействие. Процесс давления. Хотя я не понимаю, почему он такой беззубый.

– Ничего себе – беззубый! – скривил губы Лаврик. – Паспорт украли, ноутбук, избили...

– Чтобы предупредить человека, в наше время достаточно одного телефонного звонка. Тебе звонили?

– Н-нет...

– Странно. Если твоя работа кому-то активно не нравится, он мог просто позвонить твоему начальству и намекнуть о твоих незаконных расчетах. В крайнем случае тебя можно остановить и по-другому.

– Это как?

⁸ Тестовая программа Checkit.

– Ликвидировать, к примеру. Тем более что сделать это не так уж и сложно. Вместо этого за тобой пускают топтунов и давят на психику как любители.

Лаврентий изумленно посмотрел на невозмутимое лицо полковника.

– За что меня ликвидировать?! Я ведь даже не вирус создаю, а «универсальную отмычку», ПН...

– Что за ПН?

– Это я так назвал программу, ну или, если хочешь, алгоритм – Преодоление Невозможного. Сокращенно ПН.

Кирилл усмехнулся:

– Может быть, твоим недругам и не нравится, что ты приближаешься к цели.

– Кому?

– Скажем, конкурентам твоего заказчика. Кстати, он часто с тобой встречается?

– Только звонит. Но половину суммы уже отдал.

– Ты можешь ему позвонить?

– Нет, он не дал номера телефона, хотя мобильник у него есть, сам видел.

– Жаль. Вызвали бы этого капитана и побеседовали бы, зачем ему понадобилась «универсальная отмычка». В свое время я знавал одного человека по фамилии Утолин, но того звали Константин, и капитаном спецназа он не был. И все же я чего-то не понимаю...

Лаврик промолчал. Он переволновался, устал и хотел

только одного: попасть к себе домой, в свое уютное гнездышко с компьютером и уйти в другие миры, где ему лично никакая опасность не грозила.

– Ладно, пошли. – Тихомиров встал.

– А как же... этот? – кивнул на выход Лаврик.

– Во-первых, вряд ли тебе грозит по-настоящему серьезная опасность, во всяком случае, в данный момент. Это не слежка, а демонстрация слежки, направленная на деморализацию объекта. Причем достаточно действенная. – Кирилл дернул уголком губ, намечая улыбку. – Если бы тебя хотели убрать, они сделали бы это без труда. Боец из тебя никакой. Во-вторых, этих филеров мы сделаем.

– Как?

– Положись на меня. Садись в свою тачку и поезжай домой, не слишком быстро, но и не медленно. И не останавливайся, что бы ни произошло.

– Понял. А ты?

– Я поеду следом.

Лаврентий вышел из ресторана первым, залез в кабину «Фольксвагена», стараясь не смотреть по сторонам, и выехал из ряда иномарок на стоянке.

Парень в вязаной шапочке, стороживший выход, тотчас же нырнул в темно-серый, затрапезного вида «Донинвест» с подмосковным номером, и тот двинулся за машиной Киндинова.

Кирилл сел в свою серую «двадцатку» с форсированным

японским мотором, мельком отметил движение тех, кто следил за ним – вполне профессионально, не так, как это делали филеры, идущие за Лавриком, и поехал за обеими машинами.

Слежку за собой он заметил еще в Пскове, но не придал ей особого значения. Его довели до Москвы и скрылись. Но потом та же самая черная «Волга» повела его утром от дома до офиса, и Кирилл понял, что за него взялись всерьез. Не понимал он только причины этого внимания, так как вины за собой никакой не знал и, чем мог заинтересовать какую-то спецслужбу, не догадывался. Но и реагировать пока не спешил, ожидая развития событий.

«Фольксваген» Лаврика свернул с Суцевской улицы на Селезневскую, выехал на Суворовскую площадь. Серый «Донинвест» не отставал, двигаясь в тридцати-сорока метрах от «Фольксвагена» Киндинова. Лаврентий обогнул площадь, свернул на улицу Советской Армии, и в это время «двадцатка» Тихомирова круто подрезала «Донинвест», заставив его водителя резко свернуть вправо, в результате чего он врезался в одну из патрульных машин третьего батальона ГИБДД, располагавшегося в тупичке справа от улицы Советской Армии.

«Донинвест» попытался было сдать назад и объехать милицейский «Форд», но тут же раздались свистки, и выскочившие инспектора остановили нахала. Что было дальше, Кириллу узнать не довелось. Он догнал «Фольксваген» Лав-

рика, заехал за ним во дворик дома в Октябрьском переулке и поставил «двадцатку» впереди машины Лаврентия. Вышел, включил сигналку, глядя на арку, в которой показалась черная «Волга». Его преследователи не отстали.

– Я видел, – сказал возбужденный Лаврик, кивая назад. – Лихо ты их!.. Что теперь?

– Теперь я провожу тебя домой, и ты покажешь мне свою работу.

Киндинов пощипал бородку, поднял взгляд.

– Хорошо, я тебе доверяю. Только не пугайся. И никому не рассказывай.

– Само собой, – легко согласился Кирилл.

Они поднялись на пятый этаж старой девятиэтажки и вошли в квартиру Лаврика.

Глава 4

Зимние мухи

Кирилл впервые попал в квартиру компьютерщика, с которым был знаком без малого два года, поэтому некоторое время потратил на осмотр интерьера всех четырех комнат, после чего пришел к выводу, что холостяк холостяку рознь, однако в общем они схожи: отсутствием тепла и уюта в своих жилищах. Хотя сам он, по собственному мнению, какой-то уют все-таки поддерживал.

Однако больше всего поразила гостя не старинная мебель советской эпохи, выточенная, судя по ее массивности, из цельных бревен, а обыкновенные мухи, летающие из комнаты в комнату, как самолеты-разведчики. Мало того, Кириллу показалось, что бороздят они воздушное пространство квартиры не по воле инстинкта, а целенаправленно, следуя за гостем и хозяином, и Тихомиров не преминул поделиться предположением с Лаврентием.

– Чепуха! – отмахнулся тот рассеянно, включая свою гордость – компьютер фирмы «Макинтош» пятого поколения. – Мухи, слава богу, не комары, они не кусаются, летают тихо и мне не мешают.

– Они у тебя всегда зимой живут?

– Нет, эти появились недавно, в конце прошлого года.

Да чем они тебя так расстроили? Я же говорю: хорошо, что не комары. Кстати, я тут позавчера прочитал в Инете, что у комаров есть зубы. Кто-то насчитал у них во рту двадцать два микроскопических зуба. Представляешь?

Кирилл не представлял. Зато подумал, что мухи в доме Киндинова появились зимой неспроста. Захотелось поймать одну и посмотреть на сошедшее с ума насекомое.

– Еще я там вычитал, – продолжал Лаврентий, – что в Италии ежегодно проводятся чемпионаты по убийству комаров. Охотники должны за пять минут голыми руками прихлопнуть на собственном теле как можно больше этих кровопийц. Победителю вручают отлитую из золота фигурку комара и медаль. Как тебе это нравится?

– Шиза! – убежденно проговорил Кирилл.

– Согласен. Хотя интересно.

Лаврентий вложил в дисковод радужно блеснувший компакт.

– Сейчас раскрою секретку. Для предосторожности я все свои файлы зашифровал.

– Не боишься, что кто-нибудь вскрыет?

– Мои хрен кто вскрыет! – ухмыльнулся компьютерщик. – Я сам бывший хакер и сделал защиту от кряков собственноручно. Хочешь посмотреть новую гаму? Потрясающе натуральная секс-программа!

– Предпочитаю секс в материальном виде. Виртуальным пусть занимаются мальчики с бо-бо в головке.

На экране монитора вспыхнула надпись: «Совершенно секретно. Продукт не лицензирован. Разработчик: Киндинов Л. П. Тема: ПН. Введите пароль».

Лаврентий пробежался пальцами по клавиатуре.

Надпись погасла. Вместо нее на фоне ало светящейся решетки появилась другая надпись: «Доступ ООО. Введите код активации. У вас пять секунд. Четыре. Три...»

Лаврентий снова заработал на клавиатуре, вводя одиннадцатизначный шифр.

Надпись на фоне решетки почернела и осыпалась кучкой пепла, из которой вырос белый росток, раскрылся бутонном сложного цвета. Лаврик покосился на Кирилла, стоявшего за спиной и разглядывавшего экран, порозовел под его взглядом. Дизайн заставок разрабатывал он сам.

– Теперь приготовься увидеть то, чего нигде не увидишь. – В голосе Киндинова прозвучала гордость. – Это введение в структуру ПН, по сути – семантико-этический тест, который воздействует не только на алгоритмы компьютерных программ любой сложности, но и на сшиваемость физических законов.

– То есть?

– Сейчас убедишься.

Экран вспыхнул, по нему во все стороны разлетелись струи радужного огня, в центре протаяла черная дыра, на фоне которой возник алый символ сложной формы, напоминающий паука и человеческий череп одновременно,

и в то же мгновение стены рабочего кабинета Лаврика дернулись, вспучились, стали зыбкими, потекли, заволновались, как пелена тумана. Волна искривления пробежала по полу, по всем предметам интерьера, сошлась в центре потолка с чмокающим звуком.

Кирилл почувствовал, что его ноги стали проваливаться в пол, выдернул туфлю, вторую, озадаченно посмотрел на компьютерщика. Тот торжествующе улыбнулся и ткнул пальцем в клавиатуру.

Значок в форме человеческого черепа и паука налился багровым свечением и погас.

Стены, потолок и пол перестала корчить чудовищная сила, они обрели плотность и цвет. Кирилл перестал утопать в паркете, с изумлением глянул на довольно глубокие отпечатки подошв. Отпечатки засветились бледным светом и заплыли.

– Ну? – поинтересовался Лаврентий, улыбаясь. – Что скажешь?

– Потрясающе! – честно признался Кирилл. – Впечатление было такое, что это происходит на самом деле.

– Это и происходило на самом деле, – снисходительно пожал плечами компьютерщик. – Если бы я вывел формулу на экран, мы вообще оказались бы внутри светящейся жуткой пещеры, как семечки в яблоке.

– Ты... серьезно?!

– Абсолютно. Я создал алгоритм с геометрически про-

грессивным приближением к отсечке всех возможных запретов и ограничений доступа, что, очевидно, каким-то образом влияет на основы материи. Программа сама ищет выход в виртуальную среду, используя метод многократного интегрирования условий и встраивая элементы защиты в себя. Правда, не доходя до финала, она почему-то самопроизвольно свертывается, будто натывается на какое-то препятствие. Но я уже могу свободно входить в такие суперсети, как сеть ЦРУ или нашей ФСБ.

Кирилл посмотрел на хозяина прищурясь, и тот торопливо поднял вверх ладони, мотнул головой:

– Честное слово, я ничего оттуда не скачивал, только смотрел, ради любопытства. Представляешь, что будет, когда я завершу работу? А я обязательно ее закончу!

Кирилл покачал головой, обвел глазами стены комнаты.

– Что это было? Только без фантазий.

Лаврик обиделся.

– Я ничего не придумываю. Каждый раз, когда я запускаю программу, начинается эта свистопляска с пространством. Я не знаю, что происходит, сам испугался до потери пульса, когда это случилось в первый раз, поэтому и тебя предупредил. Я всегда думал, что существует естественный, заданный самой природой уровень нашего проникновения в ее тайны. Может быть, я этот уровень преодолел? – Лаврентий бледно улыбнулся. – Неожиданно для себя самого.

И не только для себя, подумал Кирилл, вспомнив о слеж-

ке, но вслух говорить об этом не стал. Проводил глазами одну из наиболее наглых мух, норовившую чуть ли не проскочить в рот.

– С некоторых пор меня не покидает мысль, – продолжал компьютерщик, – что я открыл формулу какого-то фундаментального оперирования на уровне законов физического мира, а не на уровне компьютерных виртуальных миров. Или же...

– Что?

Лаврентий поскреб бородку.

– Или наша реальность на самом деле является виртуальностью более высокого порядка.

Кирилл хмыкнул, посмотрел на часы.

– Похоже, ты веришь в эти сказки про белого бычка, как и те, кто их сочиняет. О том, что ты подошел к финалу, твой заказчик знает?

– Еще нет, я ему ничего не говорил.

– Плохо. Тебе теперь потребуется охрана, а я ее обеспечить не могу.

– Почему ты думаешь, что он обеспечит?

– Он заинтересован в решении задачи, к тому же ты сам говорил, он служит в спецназе. У него больше возможностей, чем у меня. Кстати, когда ты намереваешься закончить все расчеты?

Лаврентий пошевелил губами, словно считал дни.

– По крайней мере недели через две, если не буду отвле-

каться.

– Побыстрей заканчивай и отдавай. Хотя я бы посоветовал тебе уже сейчас отказаться от этого дела и вернуть заказчику аванс.

– Да ты че? – возмутился Киндинов. – Да я больше никогда в жизни не получу более интересного задания!

– Выбирай сам, что тебе важнее: проблема или жизнь.

– Конечно, про... что? – Лаврик с недоверием посмотрел на гостя. – При чем тут жизнь?

– А ты думаешь, они оставят тебя в покое? Те, кто за тобой следит? Неужели не понял, что тебя пасут? Пытаются остановить? Хотя и не самым эффективным способом, надо признать. Если то, что ты разрабатываешь, действительно является, как ты говоришь, формулой фундаментального оперирования, тебя просто ликвидируют.

– Ерунда! – неуверенно проговорил Лаврентий. – Почему же меня сразу не... гм... ликвидировали?

– Потому что не были уверены, что ты близок к решению проблемы. – Кирилл бросил взгляд на дверь. – Все, мне пора. Думай, хакер, только недолго. Боюсь, ты влип в очень некрасивую историю, почти безвыходную.

– Ты так считаешь? – помрачнел Киндинов. – Может, все обойдется? – Он умоляюще прижал ладонь к груди. – Ты не представляешь, насколько мне интересно знать, что получится!

– Представляю. Но тебя уже били. Каковы будут дальней-

шие шаги твоих недоброжелателей, представить нетрудно. Ладно, утром на работе обсудим эту проблему. Никому не...

Раздался звонок в дверь.

Кирилл внимательно посмотрел на Лаврентия.

– Ты кого-нибудь ждешь?

– Так поздно – никого.

– Поинтересуйся, кто.

Кирилл встал за дверь, кивнул.

– Кто там? – спросил Киндинов, заглянув в дверной глазок и никого не увидев.

– Сынок, это Марья Ильинична, соседка, – раздался за дверью женский голос. – У меня электронагреватель сломался, не пособишь починить? А то-от холодно в доме-то.

Лаврентий глянул на Кирилла, прошептал:

– Вроде ее голос, соседки...

– Открывай – и в сторону.

Компьютерщик отодвинул задвижку, сбросил цепочку и открыл дверь. Но отступить назад не успел. Его мгновенно сбили с ног, и в прихожую ворвались один за другим трое парней. Один был в серой куртке и вязаной лыжной шапочке, двое других в камуфляже, с пистолетами в руках. Кирилл понял, что попал в незавидное положение: ребята явно были из спецназа. Но так как обстановка требовала немедленных действий, все свои сомнения и вопросы он оставил на потом и начал быстрый гимнастический «танец» в режиме, в котором давно не работал.

Последнего парня в пятнистом комбинезоне он вывел из строя самым простым способом: схватил за руку и по дуге вlepил головой в стену. Второй обернулся, получил ослепляющий тычок в нос и удар в переносицу торцом ладони. Третий, в шапочке, оказавшийся тем самым филером, что преследовал Киндинова, отпрыгнул в глубь прихожей и направил на Кирилла пистолет. В ответ в его сторону вытянулись сразу два ствола: у Тихомирова были теперь оба отобранных у гостей пистолета – отечественные бесшумные «зубры» калибра девять миллиметров с магазинами на шестнадцать патронов. Такое оружие, насколько знал Кирилл, использовали только спецподразделения ФСБ.

– Ты кто такой? – шепотом спросил парень в шапочке.

Кирилл едва заметно усмехнулся, закрыл ногой дверь.

– Сначала на этот вопрос ответишь ты. Медленно опусти пистолет и брось его мне.

Парень оценивающе посмотрел на противника. Он был не робкого десятка, угрозы не испугался и явно кого-то ждал.

Кирилл навел один пистолет на колено гостя, второй направил парню в лоб. Хладнокровно сказал:

– У меня шансов вдвое больше. На счет «три» – стреляю. Сначала в ногу. Раз...

Парень бросил свой пистолет на пол, но так, чтобы его можно было легко подхватить. Кирилл оценил его профессионализм, повел пистолетом.

– Два шага назад!

Парень помедлил, но приказ выполнил.

Зашевелился Лаврентий, сел, помотал головой с очумелым видом. На скуле у него вспух кровоподтек.

– Что это было?

– Явление спецназа народу, – невозмутимо сказал Кирилл. – Встать сможешь?

– Кажется, смогу. Хорошо, что они били меня по морде, а не по ногам, иначе не смог бы.

Лаврентий с трудом поднялся, увидел два тела в пятнистых комбинезонах, глаза его раскрылись шире.

– Елы-палы! Кто это?!

– Гости.

– Ты их...

– Только попросил вести себя потише. Подойди к своему обидчику, возьми у него удостоверение. Узнаешь?

Лаврик оглядел парня в куртке и шапочке, хмыкнул:

– Это же он за мной следил!

– Вы делаете ошибку, – ровным голосом сказал парень. – Мы действительно из спецназа и проводим операцию.

Кирилл подождал, пока Лаврентий возьмет документ у парня, раскрыл малинового цвета книжечку с тисненым золотым орлом и надписью: «Федеральная служба безопасности». Фотография в книжечке соответствовала оригиналу, а под ней стояли фамилия ее обладателя и звание: Абрамян Эдуард Нусиевич, старший лейтенант. На правой сторо-

не корочки было напечатано: «ФСБ. Отдел по борьбе с компьютерным терроризмом».

Кирилл поднял взгляд на парня.

– С каких это пор оперативной разработкой подозреваемых в хакерстве занимаются федералы? Да еще сотрудники аналитического отдела?

Глаза Абрамяна Эдуарда Нусиевича сверкнули.

– Для обычного гражданина вы слишком хорошо информированы. Параллельная структура?

– Можно сказать и так. Финансовая разведка.

Брови старшего лейтенанта полезли вверх.

– С каких это пор хакерами стала заниматься финразведка?

– В данный момент я выполняю роль охранника. Мы работаем вместе. Итак, что все это означает? Что инкриминируется хозяину этой квартиры?

– Не знаю. Мне приказано доставить гражданина Киндинова в управление. Остальное не моя забота.

– А вот он утверждает, что ваша команда наблюдает за ним уже давно и очень нагло. Чего вы добиваетесь?

В глазах сотрудника ФСБ мигнули колючие огоньки. Он помолчал, к чему-то прислушиваясь, потом коротко сказал: «Вариант ноль-ноль семь», – и Кирилл запоздало сообразил, что у парня имеется рация. Надо было действовать немедленно.

– В комнату! – выдохнул он, толкая Лаврентия в плечо. –

Сиди и не высовывайся!

Парень в шапочке метнулся было к пистолету, но наткнулся на колено Тихомирова и отлетел назад. Кирилл перехватил его особым образом, удерживая за горло сгибом локтя, развернул лицом к двери и направил на нее ствол «зубра».

В то же мгновение дверь распахнулась от сильного толчка, едва не слетев с петель, и в прихожую ворвались четверо спецназовцев в камуфляже, но уже не с пистолетами, а с автоматами «никонов» десантного образца.

– Стоять! – четко скомандовал Кирилл.

Четверка послушно замерла, мгновенно просчитав варианты дальнейших событий. По их реакции можно было с уверенностью судить, что это далеко не профессионалы класса антитеррористических подразделений, хотя вооружены они были круто.

– Я полковник Тихомиров, – продолжал Кирилл внушающим уважение тоном. – Начальник отдела оперативного реагирования ФР. Попрошу освободить помещение во избежание неприятностей. Кто среди вас старший?

– Я, – раздался чей-то глуховатый, брюзгливый голос, и в квартиру вошел плотного телосложения коренастый мужчина лет сорока пяти, в камуфляж-костюме, но со знаками различия – двумя большими звездами. – Подполковник Петров, особые операции. Предъявите документы.

Кирилл достал удостоверение, подержал перед глазами старлея и спрятал.

– Подтверди.

– Точно... полковник, – просипел Абрамян. – Служба финразведки.

– Какого хрена вам здесь нужно, полковник? – с пренебрежительным удивлением поинтересовался Петров. – Как вы здесь оказались?

– Стреляли... – усмехнулся Кирилл. – Советую сменить команду, коллега. Грубо работаете, по-любительски. Если не будете махать пушками, я отпущу вашего старлея, и мы спокойно во всем разберемся. Идет?

Квадратное красноватое лицо чекиста с набрякшими веками и мешками под глазами сделалось деревянным.

– Торг здесь неуместен, полковник. Отпустите... э-э... моего сотрудника и верните оружие. Иначе обещаю вам очень существенное понижение в звании.

– Ну, это вряд ли, – качнул головой Кирилл. – Я тоже на службе, и у меня свое начальство. Разговор в таком тоне вообще бесперспективен. Я просто вызову свою спецгруппу, и вам придется иметь дело с профессионалами. С другой стороны, как говорится: пуркуа бы не па? В качестве жеста доброй воли я освобождаю вашего сотрудника.

Кирилл отпустил старшего лейтенанта, вернул ему пистолеты подчиненных, приходящих в себя. Тотчас же четверка спецназовцев с автоматами бросилась к нему, двое схватили за руки, третий упер в живот ствол автомата. Кирилл хладнокровно посмотрел на командира группы захвата, не делая

попыток освободиться, хотя мог сделать это без труда.

– Может быть, все-таки поговорим, как умные люди? А то ведь ситуация может измениться.

Один из парней больно сжал Кириллу шею, но подполковник Петров кисло бросил:

– Отпустите его. И Тихомиров оказался на свободе.

– Идите, полковник, – продолжал командир группы. – Мы вас не задерживаем.

В прихожую выглянул растерянный Лаврентий.

– А что будет с ним? – кивнул на него Кирилл.

– Это не ваша забота.

– Ошибаетесь, это моя забота. Он является ценным сотрудником нашей службы и нуждается в защите. Я должен доложить начальству о его задержании.

– Это пожалуйста, – легко согласился подполковник. – Тем не менее прошу покинуть помещение... во избежание, так сказать. Ничего мы вашему сотруднику не сделаем, допросим и... отпустим.

Кирилл внимательно заглянул в не обремененные мыслью глаза собеседника. Последнее слово тот произнес с заминкой, что означало – отпускать Киндинова подполковник не собирался. В связи с чем возникал вопрос: зачем ему понадобился допрос объекта захвата, если в задачу спецназа входит лишь задержание и препровождение его в управление? Однако вслух своих сомнений Кирилл высказывать не стал. Он решил за пределами квартиры Киндинова доло-

жить директору ФСФР о нападении на Лаврика и вызвать своих ребят из группы быстрого реагирования. На всякий случай.

– Можно тебя на пару слов? – сказал Лаврентий.

Кирилл посмотрел на Петрова. Тот недовольно скривил губы.

– Валяйте, только быстро.

Кирилл подошел к Лаврику, и компьютерщик, обняв его, незаметно сунул ему в руку дискету. Торопливо прошептал:

– Спрячь... и не уходи... они меня убьют!

– Не убьют, – громко сказал Кирилл, глянув на командира группы, направившегося в кабинет Киндинова. – Я доложу генералу об этом инциденте. Все будет хорошо.

Похлопав Лаврика по плечу, он вышел, делая вид, что не замечает двух оперативников Петрова, двинувшихся следом за ним.

На лестничной площадке дежурил еще один пятнистый комбинезон, на первом этаже у лифта – второй, в подъезде – третий. Впечатление складывалось такое, будто спецназ брал особо опасного вооруженного террориста или целую группу, а не специалиста по компьютерным технологиям, далекого от применения боевых искусств и оружия.

Кирилл едва не зазевался, сбегая по лестнице к выходной двери подъезда. Двое мордovorотов в камуфляже, очевидно, получили приказ задержать свидетеля захвата, коим стал Тихомиров, чтобы получить время на проведение мероприятий

с объектом, а так как проще всего было вывести человека из строя ударом по голове, это и собирались сделать подчиненные подполковника.

Один из них ткнул прикладом автомата в затылок Тихомирову, но не попал: Кирилл в последнее мгновение чуть отклонился, и удар пришелся в шею, довольно чувствительный, так что голова отозвалась звоном и тело на доли секунды отказалось повиноваться. Затем в подъезде мелькнула какая-то тень, раздался глухой удар, и парень в камуфляже осел на ступеньки лестницы. Второй поднял было ствол автомата, не сообразив, что происходит, крутанулся и тоже упал.

Кирилл мягко прыгнул назад, к лифту, перехватил третьего спецназовца, ударил дважды – по руке и в шею. Парень экнул, потерял сознание, мешком свалился на пол.

Тень, обезвредившая трех рослых оперативников в течение одной секунды, сформировалась в человека. Кирилл увидел мужчину с костистым сухим лицом и узкими твердыми губами, говорившими о недюжинной воле этого человека. Глаза его сияли желтым огнем и оценивающе оглядели Тихомирова.

– Кто вы? – сухо спросил Кирилл, готовый к темпу.

– Игорь Утолин, – отозвался незнакомец.

Глава 5

ПСП

Это был тот, кто заказал Киндинову создать универсальную «программу-отмычку» для получения доступа к любой компьютерной сети. Однако выяснять, зачем он появился в столь поздний час у дома Лаврентия, а главное – почему помог Кириллу освободиться от конвоиров, было некогда. Подозрения Тихомирова имели под собой реальную почву, и спецкоманда ФСБ могла иметь задание допросить компьютерщика и ликвидировать. Надо было спасти Лаврика, ни сном ни духом не представлявшего, во что он оказался замешан.

Впрочем, не представлял этого и сам Кирилл, хотя демонстрация включения фрагмента разработанного Лаврентием файла произвела на него неизгладимое впечатление. Здесь пахло чем-то весьма далеким от повседневного человеческого опыта, от рутинности представлений о мире, от научных объяснений происходящего. Здесь пахло мистикой и колдовством или по крайней мере нейролингвистическим программированием, то есть психофизическим воздействием на мозг человека. Или на весь мир, как мимолетно подумал Кирилл, обговаривая план действий с неожиданно по-

явившимся союзником.

На попытку выяснить у него, почему он вмешался в события, Утолин коротко ответил: «Потом». Он был собран, спокоен и действовал как профессионал, что вызывало уважение. Во всяком случае, на то, чтобы связать всех четверых потерявших сознание спецназовцев их же ремнями, ему понадобилось всего полминуты.

Решено было идти по отдельности. Кирилл должен был подняться на пятый этаж по лестнице, Утолин – лифтом. В лицо его оперативники Петрова не знали, и его появление должно было внести элемент неожиданности в ситуацию.

Так все и произошло.

Утолин вышел из лифта на лестничной площадке пятого этажа, направился к двери одной из квартир, поигрывая якобы ключами от двери, увидел двух амбалов в пятнистом и приостановился с удивлением в глазах.

– Вы к кому, ребята?

– Проходи, проходи, – опомнился один из них, показывая на дверь квартиры. – Закройся и не высовывайся.

– А что вы здесь делаете? – продолжал удивляться «жилец».

– Давай топай, – шагнул к нему спецназовец.

В то же мгновение рука Утолина метнулась к лицу парня, раздался треск, и оперативник без звука рухнул навзничь с переломанным носом.

Второй сторож с изумлением проследил за падением на-

парника, что говорило о его слабой подготовке, рванул с плеча автомат и отлетел к стене от удара Кирилла, бесшумно подкравшегося сзади. Сполз на пол, царапая стену стволом «никонова».

Оба нападавших замерли, прислушиваясь к звукам, доносившимся из квартир на площадку, и слышали приглушенный крик боли. Не сговариваясь, метнулись к двери, ворвались в квартиру Лаврика.

В прихожей томился оперативник в комбинезоне, покуривая в рукав. Он оглянулся и «улетел» в беспамятство от удара в переносицу; похоже было, Утолин владел этим ударом в совершенстве. Кирилл предпочитал «мягкий» стиль и прежде всего искал болевые точки на теле противника, при попадании в которые люди испытывали шок и теряли сознание. Правда, зачастую приходилось применять и технику «дроворубов», то есть бить противника в полную силу, если он был экипирован в спецкостюм и если нельзя было вывести его из строя другим способом.

Второго спецназовца, выглянувшего из кухни на шум, Кирилл ткнул пальцем в лоб, и этого оказалось достаточно, чтобы парень осоловел и обмяк, сведя глаза к носу. Третьего же пришлось брать на прием, на что понадобилось около двух секунд и три удара: по рукам, по ушам и в кадык.

Четвертого боевика из команды подполковника Утолин вырубил броском стеклянного графина, метнув его с четырех метров с такой силой, что графин разлетелся на мелкие

прозрачные брызги. Оставался еще парень в шапочке, старший лейтенант Абрамян, но он пытал хозяина квартиры и отреагировать на атаку не успел. Капитан выстрелил в него, попал в плечо, и старлей отлетел к стене, взвизгнув от боли.

Больше в квартире Лаврентия спецназовцев не оказалось, не считая командира группы, с изумлением взиравшего на ворвавшихся гостей и даже не пытавшегося сопротивляться. По-видимому, он и мысли не допускал, что кто-то осмелится напасть на его подразделение.

Лаврик был прикован наручниками к батарее водяного отопления, голый по пояс, таким образом, что почти висел лицом вниз, а под ним горела свеча, чуть не касаясь груди язычком пламени. Кроме того, из тела компьютерщика торчали две булавки, а на шее багровела ссадина: его душили ремнем.

Кирилл бросил издали первое, что попало под руку, – коробочку с дискетой, сбивая свечу. Подскочил к Лаврику, обессилевшему от борьбы с болью; во рту компьютерщика обнаружился носовой платок в качестве кляпа.

– Держись, бедняга! – поднял он голову Лаврика. – У кого ключ?

– Кто вы такие?! – опомнился подполковник Петров, хватаясь за оружие. – Мельничук, ко мне!

Раздался тихий щелчок. Во лбу подполковника появилась дыра, тут же заполнившаяся кровью. Взгляд его остановился. Подполковник опустился на колени и упал лицом вниз.

Кирилл метнул на Утолина недобрый взгляд.

– Это еще зачем? Ситуация того не требовала! Он же из конторы.

– Он не из конторы, – равнодушно ответил капитан. – Это работает ПСП-программа.

– Что еще за ПСП такой?

– Вот он знает, – кивнул Утолин на Лаврика и направил пистолет на вжавшегося в стену раненого старлея. – Ключ!

Тот торопливо, кривясь от боли, достал левой рукой ключ от наручников, бросил Утолину. Капитан отомкнул замки на запястьях Киндинова, Кирилл помог ему, вынул кляп, и они усадили Лаврентия в кресло. Компьютерщик находился в полубоморочном состоянии и не реагировал на ухаживания, лишь изредка вздрагивал и постанывал.

Кирилл сбегал на кухню, принес воду в кружке, побрызгал на лицо компьютерщика, вытер кровь на губах и с тела, где остался след от булавок. Глаза Лаврика раскрылись шире, в них протаял ужас, и он закричал бы, если бы Кирилл не зажал ему рот ладонью.

– Тихо! Все в порядке, ты среди своих.

Лаврик замер, замычал, взгляд его прояснился, стал осмысленным.

– Это... ты?! Вернулся?!

– Не шуми, все позади. Чего они от тебя добивались?

– Спрашивали... где сидюки... кто давал задание... кто приходил...

– Пора убраться отсюда, – озабоченно сказал Утолин, глянув на выписывающую петли муху. – Потом побеседуем. Нам повезло, что они послали ПСП, а не СНОС или вообще Пса.

– Чего? – не понял Кирилл.

– ПСП – это программа постепенного сжатия параметра, – пробормотал Лаврентий.

– Совершенно верно, – кивнул Утолин. – А СНОС – само-настраивающаяся операционная система по нейтрализации вирусов.

– При чем тут программы и системы? Федералы послали группу живых людей, а не какие-то там программы...

– Это не федералы, – нетерпеливо перебил Тихомирова капитан. – Но все объяснения потом, давайте покинем это помеченное место, пока сюда не заявился Пес. – Он усмехнулся, оценив красноречивый взгляд полковника. – Ну или, скажем так, команда профессионалов.

Кирилл кивнул, соглашаясь. Наклонился к проходящему в себя Лаврику:

– Идти сможешь?

– Куда?

– В твоей квартире оставаться небезопасно. Поедем к... – Кирилл перехватил взгляд старлея и поправился: – Поедем на работу, там нас никто не потревожит.

Лаврентий с трудом встал, охнул, хватаясь за поясницу:

– Вот сволочи, почки отбили, наверно...

– Почки выше. Одевайся, забирай ценные вещи и документы и быстро вниз. А я пока позвоню в милицию.

Утолин с любопытством посмотрел на Кирилла.

– Мысль неплохая. Пересечение программ иногда дает поразительные результаты. Звоните и догоняйте меня, я пойду первым.

Он выскользнул за дверь.

Кирилл набрал «02», сообщил о нападении вооруженных людей на квартиру номер двадцать один в доме номер одиннадцать в переулке Октябрьский, не слушая ответа, бросил трубку.

– Ты готов?

Над ухом зажужжала муха. Кирилл машинально поймал ее и раздавил.

– Иду, – отозвался Лаврик, появляясь из рабочего кабинета с кейсом в руке и спортивной сумкой в другой. – Может, я успею принять душ?

Кирилл молча подтолкнул его к двери, оглянувшись на пороге на старшего лейтенанта, щупавшего волосы за левым ухом; по-видимому, там у него был спрятан наушник рации.

– Может быть, вы и те, за кого себя выдаете, но сдаётся мне, у вас будут проблемы, когда здесь появится настоящий ОМОН. И еще ты хорошо отделался, говнюк, раз остался жив, но если встретишься мне еще раз!..

Кирилл метнул в парня ледяной взгляд и выскочил из квартиры Киндинова.

Никто не помешал им спуститься во двор и расположиться в машинах. Кирилл усадил Лаврика к себе, а Утолин нырнул в кабину черной «Волги» с номером «100», стоящей у другого подъезда. Здесь же стояла и машина спецназа ФСБ – темно-синий микроавтобус с флажком под ветровым стеклом. Ее охранял пятнистый комбинезон, сидя с задумчивым видом прямо на заснеженном асфальте спиной к колесу. Второй оперативник лежал за машиной у бордюра, так что виднелись только его ботинки. Видимо, Утолин сначала успокоил сторожей группы вместе с водителем, а потом вмешался в события в подъезде и помог Кириллу освободиться.

Спрашивать, живы ли федералы, Кирилл не стал, помня слова капитана о «команде ПСП». Вопросов к Утолину накопилось достаточно, но задавать их было некогда. В ночной тишине уже был слышен далекий вой сирен: к дому мчались машины ОМОНа, вызванного Кириллом.

Он выехал со двора, отметив движение «Волги» капитана, и только потом вспомнил, что именно эта черная «Волга» сопровождала его от Пскова до Москвы после похорон бабушки. Кирилл беззвучно выругался, вдруг соображая, что оказался замешан в какую-то игру, о которой не имел ни малейшего понятия. Еще раз выругался. Подумал с угрюмой угрозой, направленной неизвестно в чей адрес: ладно, разберемся!..

Проскочили центр, Мневники, у выезда на Рублевку при-

тормозили у машины ГИБДД, однако Утолин, не вылезая из «Волги», махнул своим удостоверением, кивнул на «двадцатку» Тихомирова: «Этот со мной», – и молодые инспектора дружно взяли под козырек.

Вскоре Кирилл свернул на вьющуюся вдоль зоны спорткомплекса улицу Крылатские Холмы и подъехал к своему дому, возвышавшемуся над районом велотрасс. Загнал машину в металлический гараж.

Утолин свою «Волгу» оставил во дворе, за трансформаторной будкой. Шел уже второй час ночи, и ни на улицах, ни во дворе не было видно ни одной живой души. Кирилл повел своих спутников к себе домой, раздумывая, не позвонить ли директору и не вызвать ли дежурную группу. Однако решил не паниковать и сначала выслушать капитана, а уж потом действовать.

Двухкомнатная квартира Тихомирова стандартной планировки располагалась на седьмом этаже шестнадцатиэтажки. Ее лоджия выходила на велотрек и зеленую зону канала, так что вид сверху открывался великолепный, радующий глаз даже зимой.

Расположились в гостиной хозяина. Кирилл приготовил чай, принес лимон и конфеты, и все трое молча выдули по кружке «настоящего тайландского», думая каждый о своем. Лаврентий осоловел, ушел мыслями в себя, с трудом сдерживая зевету, и лишь изредка морщился от боли, щупая синяки и ссадины, и вздыхал.

Кирилл поставил кружку, прямо посмотрел на рассеянно-задумчивое лицо Утолина.

– Теперь выкладывайте все, что знаете. Что происходит? Почему государственные силовые органы так негативно реагируют на деятельность Лаврика... э-э... Лаврентия Павловича?

– Я уже говорил, что это не госорганы, а скороспелка ПСП.

– Все равно. Объясните, что все это значит: захват, допрос, пытки?.. И почему вы следили за мной? Ведь это вы сопровождали меня из Пскова в Москву?

– Я, – кивнул капитан, ни капли не смущаясь. – Видите ли, один человек попросил меня обеспечить вашу безопасность, и я согласился.

– Кто этот человек?

– Ваша жена.

Кирилл вздрогнул, с изумлением посмотрел в глаза Утолина, в которых на миг всплыли насмешка и сочувствие.

– Лиля?! Почему же она... – Кирилл прикусил губу, вспоминая визит бывшей жены в дом бабы Ули. – Значит, это вы привезли ее в Псков?

Утолин пожал плечами:

– Это не имеет значения. Что еще вы хотели узнать?

Кирилл очнулся:

– Все!

– К сожалению, на это у меня нет времени. Да вы и не по-

верите, если я выложу все, что знаю сам. В глобальном философском смысле происходит обычная коррекция реальности, затрагивающая многие сферы бытия и судьбы людей, в том числе вашу. Вы должны знать одно: все ваши действия, частично или полностью, могут как совпадать с какими-то планами операторов более высокого уровня или... мм... скажем, Высших Сил, так и не совпадать. Что на деле и происходит.

– Не понимаю. Поконкретней, пожалуйста. Зачем вам понадобилась программа «универсальной сетевой отмычки»?

– Я любопытен, – ухмыльнулся Утолин.

Кирилл нахмурился.

– Боюсь, наше сотрудничество закончится, не начавшись. Я не люблю решать ребусы там, где можно получить прямой ответ.

– Хорошо. – Утолин посмотрел на часы, потом на Лаврентия. – Появление так называемых «федералов» в его квартире – всего лишь следствие того, что он вплотную подобрался к решению проблемы, которая может привести к полной свертке игрового объема. Программа ПСП – предварительная, она готовит почву к полной нейтрализации объекта, за ней последуют другие программы, более серьезные, вплоть до появления СНОС или программногo Пса. Поэтому нам надо как можно быстрее закончить расчеты и убраться отсюда подобра-поздорову.

– Думаю, здесь мы в безопасности, – кивнул на стены ком-

наты Кирилл. – Если только за нами не шли по следу.

– Я имел в виду вообще этот мир.

Кирилл с сомнением поднял бровь.

– Вы говорите загадками, капитан. Кто вы на самом деле?

И откуда знаете мою бывшую жену?

– Скажем так: я оператор более высокого уровня, чем ваш друг – кивком головы капитан показал на полусонного Лаврентия. – Он тоже оператор, но виртуальности низкого класса, создаваемой игровыми программами и сетями типа Интернет. Понимаете?

– Нет.

– Поймете позже. Базовой программой данной реальности предусмотрено принципиальное появление сильных операторов или, как принято говорить, Персон Воли. Таковым был муж вашей бывшей жены, политический лидер и одновременно один из восстановителей духовного потенциала России Георгий Корнюшин. Его ограничили...

– То есть убили! Я знаю. Кто?

– Сработала программа коррекции, созданная моими коллегами. Кстати, я как снайпер был одним из исполнителей этой программы, хотя и самоустранился от исполнения. Но программа все же сработала и продолжает развиваться, теперь уже как система зачистки. Понимаете? Ваша бывшая жена в опасности, она попала в сферу зачистки. В эту же сферу попадете и вы, если будете продолжать контактировать с вашей женой или с Лаврентием Киндиновым. Впро-

чем, я вполне допускаю, что вы уже в прицеле.

Кирилл задумался. Кивнул на Лаврика:

– А он?

– Он – другое дело. Поскольку я не мог спасти Фигуру Влияния с помощью другой такой же – все они в этой реальности отслеживаются, а их деятельность корректируется, ограничивается, то выбрал просто классного специалиста, энтузиаста и человека, не имеющего особых моральных ограничений. Я не ошибся, но все специалисты этого уровня все равно контролируются, и рано или поздно информация о деятельности Киндинова всплыла бы на поверхность. Что, собственно, и произошло. По сути, он стал вирусом в программе более высокого уровня, вот за ним и пустили нейтрализаторов вируса. Нам действительно повезло, что это ПСП, а не СНОС.

Кирилл покачал головой.

– Абракадабра!.. Простите, это нервное. Но зачем вам понадобилось давать такое задание – разработать вирус?

– Не вирус – алгоритм вторжения в любые сверхзащищенные сети.

– Зачем?

Утолин с усмешкой посмотрел на Тихомирова.

– Чтобы вернуться домой. В свой мир.

– Куда?!

– Вряд ли я смогу это объяснить в трех словах.

– А вы попробуйте. Какой мир вы имеете в виду? Другая

страна, планета, звезда? Галактика?

Утолин перестал улыбаться.

– Вы не представляете, насколько действительное положение вещей сложнее ваших представлений о нем.

– По-моему, я вполне адекватно сужу о действительности... в соответствии с получаемой информацией...

– Все люди судят о реальности субъективно, но их так много, что мир становится статистически устойчивым. Если я скажу, что Вселенная была именно такой, какой ее представляло большинство, вы поверите?

– Что имеется в виду?

– Когда-то вся человеческая Вселенная представляла собой плоскую Землю, опирающуюся на трех китов, стоявших, в свою очередь, на спине громадной черепахи. И так далее. Такой была Программа развития игры под названием Мета-вселенная. По мере изменения представлений о мире, иницируемых Фигурами Влияния...

– Птолемей, Коперник? Джордано Бруно?

– Браво, полковник! Вы быстро схватываете. Так вот по мере накопления изменений в представлениях людей менялись и форма, и содержание Программы, то есть метаистория Вселенной. Я же наблюдал за этим процессом со стороны.

– Из четвертого измерения, – скептически хмыкнул Кирилл.

– Примерно так, хотя на самом деле мой мир имеет не че-

тыре измерения, а три с хвостиком, он «плотнее» вашего, и время в нем двумерно. Но это к слову. А теперь позвольте мне отправиться по своим делам. Уверяю вас, мы скоро встретимся.

Кирилл очнулся, посмотрел на разомлевшего и уснувшего Лаврика.

– Да, попал парень в переplet! Любопытство всегда было наказуемо, а тем более такого масштаба. Неужели нельзя уладить возникшую проблему мирным путем? Ведь он почти абсолютно беспомощен.

– Едва ли, – покачал головой Утолин, направляясь к двери, но на полпути вернулся, потряс Лаврика за плечо. – Проснись, коллега.

Лаврентий с трудом разлепил веки, замычал.

– Один вопрос: сколько тебе понадобится времени для доводки ПН?

– Не знаю... – вяло пробубнил компьютерщик.

– Это очень важно. Нас не оставят в покое, пока не догонят и не ограничат. Чем быстрее ты справишься с программой, тем больше у тебя шансов сохранить жизнь.

– Ты невероятно добр, господин дьявол, – пробормотал Кирилл. – Сначала соблазняешь человека всяческими способами, убеждая начать работу и не говоря, что она смертельно опасна, а потом выясняется, что жизнь клиенту вовсе не гарантируется.

– Я в таком же положении, – остался невозмутимым Уто-

лин. – Прошу прощения за доставленные неудобства.

– Хороши неудобства! – фыркнул Кирилл. – Либо пуля в спину, либо подстроенная автокатастрофа!

– Будем держаться вместе – выживем. Итак, Лаврик, подумал? Когда ждать окончательного результата?

– Недели две... – пробормотал Киндинов, закрывая глаза. – Если мне будет предоставлена аппаратура и время...

– Компьютер я тебе обеспечу, место тоже. Возьми отпуск на работе, придется посидеть в подполье.

– Мне не дадут.

Утолин посмотрел на Кирилла.

– Поможете ему?

– Не вижу надобности, – сухо отрезал Тихомиров. – Он выходит из ваших... потусторонних игр. Если хочет сохранить шкуру.

– Уже поздно, к сожалению, – скривил губы капитан. – ПСП его не отпустит, а тем более Пес. От того, как скоро он закончит расчеты, зависит не только его и моя жизнь, но и ваша тоже. – Утолин помолчал. – И жизнь вашей жены. До встречи.

Он исчез. Тихо хлопнула входная дверь.

– Чтоб ты сто лет жил! – пробормотал Кирилл, сдерживая более крепкое выражение, и добавил: – И двести раком ползал!

Лаврентий засмеялся, но тут же умолк, зашипев от боли в разбитых губах.

– Вот сволочи! Смеяться не могу... губы в лепешку...

На чем вы остановились?

– Ложись спать, я постелю тебе на диване. Надеюсь, ПСП не знает, где мы находимся. Утром поедem на работу и будем думать, как выйти из положения с минимальными потерями.

– Меня уволят...

– Это было бы только справедливо, – отрезал Кирилл. –

Влез в дерьмо – сам и вылезай.

– Ты мне... не поможешь?

Кирилл посмотрел на Лаврика, имевшего жалкий вид, и подумал, что за последние сутки уже второй человек просит его о помощи. Первой была Лилия. Интересно, где она сейчас? И с кем?..

– Помогу, – со вздохом ответил он, вдруг ощутив навалившуюся усталость.

Через несколько минут оба спали.

А из кармана куртки Лаврентия выползла муха и начала облет квартиры.

Глава 6

Прорыв за пределы

Муху Кирилл обнаружил, готовя на кухне завтрак: яичница из шести яиц – на двоих, бутерброды и кофе. Муха ползала по потолку и наблюдала за действиями хозяина, спокойно занимаясь чисткой крыльев. Кирилл удивился, заметив насекомое: мух у него отродясь зимой не водилось. Потом вспомнились жужжащие создания, барражирующие пространство квартиры Киндинова, и Кирилл насторожился. Смешно было представить мух в роли подглядывающих и подслушивающих устройств, но земные инженеры уже вплотную подошли к нанотехнологиям, и исключать возможность использования насекомых в целях разведки было нельзя.

Кирилл изловчился, поймал муху, внимательно рассмотрел непрошеную гостью, ничего похожего на микроаппаратуру не обнаружил и шмякнул жирную тварь об пол.

Лаврик утром выглядел не лучше, чем ночью. Пришлось дать ему глоток коньяка и запудрить синяки на лице, чтобы не так бросались в глаза.

Разговаривали мало. Оба понимали, что разговор с начальством предстоит нелегкий, правдивое изложение событий исключалось, а придумывать правдоподобную историю не хотелось. В таком двойственном расположении духа Ки-

рилл и поехал на работу к девяти часам утра с приунывшим Лавриком на заднем сиденье, на лице которого была написана покорность судьбе. С синяками и запекшимися губами он был похож на бомжа, подравшегося с приятелями, а не на интеллигента, специалиста по информационным технологиям.

Директор ФСФР генерал Солтанов Михаил Трофимович принял их в десять часов утра, сразу после короткого селекторного совещания. Кивнул на стулья у стола для деловых встреч, упирившегося в стол хозяина кабинета, образуя букву «Т». Кирилл и Лаврик сели.

– Слушаю вас. – Солтанов бросил на Киндинова вопросительно-неодобрительный взгляд. – Что это с вами, Лаврентий Павлович? В хоккей играли?

Киндинов беспомощно посмотрел на Кирилла.

– Результат защиты чести и достоинства, – сказал Тихомиров. – Лаврентий Павлович попал в неприятную компанию, где он не пользуется таким же авторитетом, как на работе, и вынужден был доказывать свое право на свободу. В связи с чем, по моему глубокому убеждению, ему требуется отпуск.

Директор иронически приподнял бровь.

– А при чем тут вы, Кирилл Иванович? С каких это пор вы стали переводчиком и адвокатом Лаврентия Павловича? Почему вы беспокоитесь за него? И почему он сам молчит? Язык проглотил?

– Я... виноват... – забормотал Лаврентий.

– Ему грозит опасность, – перебил компьютерщика Кирилл. – Лаврик... э-э... Лаврентий Павлович остро нуждается в отдыхе и опеке. Я считаю его ценнейшим работником, которому нет равных в альтернативных службах.

– Мы знаем, что ему нет равных. И тем не менее вы что-то скрываете, Кирилл Иванович. Скажите прямо, в чем дело?

Кирилл выдержал подозрительный взгляд Солтанова, поглядел на потеющего и сопящего Лаврика.

– На него оказывается давление, Михаил Трофимович.

– Кем, по какой причине?

– Дайте мне пару дней, я разберусь и доложу. Но все-таки разрешите ему уйти в отпуск.

– Он не за границу часом скрыться решил? – позволил себе пошутить директор. – Может, возьмем с него подписку о невыезде?

Кирилл вежливо улыбнулся.

– Мои парни присмотрят за ним.

– Хорошо, пусть отдыхает. Недели хватит? Сам понимаешь, работы много, а заменить его некем.

– Дней десять.

– Хорошо, даю десять дней. Ну, а сам-то что молчишь? – обратился Солтанов к Лаврентию.

– Извините, Михаил Трофимович, – бледно улыбнулся Лаврик. – Я думаю...

– Если бы ты думал, – осуждающе покачал головой директор, – с синяками на лице не ходил бы. Все, идите. Скажете

Долгову, что я разрешил взять отпуск за свой счет. Но только с завтрашнего дня.

Визитеры поднялись, дружно сказали «спасибо!» и вышли. Особенно был доволен Кирилл тем, что не пришлось докладывать директору о происшедших событиях, а главное – о «подпольной» деятельности Лаврика и о ее результатах.

– Иди в отдел, – произнес он. – Заканчивай и сдавай служебные дела, объясни Долгову, что у тебя плохо со здоровьем, жди меня. И дай ключи от квартиры.

– Зачем?

– Посмотрю, что там творится после вчерашнего, не оставили ли твои друзья сюрпризов. Уж больно тихо все, словно ничего не случилось. А ведь я милицию туда вызвал.

Лаврентий протянул полковнику ключи от квартиры. В коридоре управления они расстались. Компьютерщик повернул налево, где располагался аналитический центр, Тихомиров – направо и вниз, на первый этаж, к отделу хозяйственного обеспечения, среди помещений которого находился и отдел оперативного реагирования.

До обеда Кирилл решал рутинные задачи службы, анализируя одновременно все, что произошло вчерашним вечером и ночью. Выводов не делал – не хватало информации, хотя в душе осознавал, что если признать некоторые события происшедшими наяву, то концепцию отношения к жизни надо менять. А поведение вполне физически осязаемых

предметов во время включения компьютера в доме Киндинова и вовсе наводило ужас и оставляло в душе зябкое ощущение распахивающейся под ногами бездны. От всего этого пахивало мистикой и чертовщиной, хотелось объяснить все сном или временным помутнением рассудка, но Кирилл верил своим ощущениям, галлюцинациями не страдал и, не найдя рациональных объяснений случившегося, оставил их времени.

В два часа дня он взял с собой двух оперативников группы риска и поехал с ними на квартиру Киндинова.

К его удивлению, она оказалась заперта. Ни у двери, ни в самой квартире никого не оказалось. В комнатах царил изрядный кавардак, вещи Лаврика валялись по всем углам, но впечатление было такое, будто все это проделал полтергейст, а не живые люди. На полу не обнаружилось ни одного следа, ни пылинки, ни грязных разводов от растаявшего снега, ни даже следов крови! В то время как Тихомиров сам был свидетелем убийства подполковника Петрова и ранения старшего лейтенанта Абрамяна из команды «федералов» и видел множество грязных отпечатков рифленых подошв на паркете.

– Чертовщина! – пробормотал он в ответ на взгляды молодых парней.

– Да уж, повеселились хозяева! – поддакнул Жора Кучков, бывший VIP-охранник: до службы в ФСФР он работал в Управлении охраны правительства.

Кирилл не стал пояснять, что имел в виду другое, обошел все четыре комнаты Лаврика, постоял в задумчивости у разбитого вдребезги процессора (Лаврик будет сильно огорчен, однако) и только тут определил, что его смущало все это время: мухи! Точнее, их полное отсутствие! Когда они спешно покидали квартиру вслед за капитаном Утолиным, по всем комнатам бомбовозами летали мухи. Теперь их не было видно ни одной.

Еще раз обойдя комнаты и не обнаружив надоедливых насекомых, Кирилл махнул рукой, направляя сопровождающих его оперативников к двери, и вышел сам. Аккуратно запер дверь. И подумал, что Лаврику возвращаться сюда не стоит. Его квартира стала мертвой, кто бы что под этим ни подразумевал.

Кирилл вернулся на работу, снова занялся делами. В его отсутствие ничего особенного не произошло.

Лаврик никуда не выходил, кроме столовой, принадлежащей управлению, и полковник отозвал приставленного к компьютерщику охранника. В шесть часов вечера Киндинов сам зашел к нему в кабинет, хмурый и озабоченный. На оценивающий взгляд Тихомирова он криво улыбнулся:

– Зря я, наверное, влез в это болото. Долгов сказал, что уволит, если я буду продолжать в том же духе.

– Что он имел в виду?

– Не знаю.

– Сам виноват, – отрезал Кирилл. – Интерес, даже су-

губо научный, вполне может быть преступным. Только ма-
няк не думает о последствиях своих «научных интересов».
Ты маньяк?

Лаврентий озадаченно почесал щетину на щеках.

– По-моему, нет...

– А по-моему, да! Умный человек сначала бы прикинул
степень опасности предлагаемой работы, а уж потом брал-
ся бы за нее.

– Что же мне теперь, бросить доводку ПН?

– Возможно, это был бы лучший выход из положения.

– Но капитан говорил, что это не поможет, нас все равно
ограничат, как он выразился.

– То-то и оно. Придется идти до конца... с перспективой
этого самого конца не дожидаться.

– Я думал...

– Да брось ты – думал, – усмехнулся Кирилл. – Есть та-
кая поговорка: англичанин мыслит сидя, француз стоя, аме-
риканец прохаживаясь, а русский думает потом. Это про те-
бя. Ты готов?

Лаврентий встрепенулся, похлопал себя по карманам.

– Да, я сдал дела и забрал свои блины. Надо бы заскочить
домой, переодеться...

– Я у тебя был, собрал кое-какие вещи, одежду, вон сумка
стоит. Но тебе там появляться не стоит.

– Почему? Там... они... да?

– Никого в квартире нет, даже следов не осталось. И ми-

лиция молчит, будто воды в рот набрала, хотя подразделение ОМОНа по моему вызову выезжало, я проверил.

– Странно...

– Если не сказать больше. Поэтому поедем сначала ко мне и будем ждать звонка капитана...

В кабинете раздался пиликающий сигнал мобильного телефона. Лаврентий вздрогнул. Кирилл с запозданием вытащил из кармана трубку и включил.

– Кирилл Иванович? – раздался в трубке женский голос.

– Да, – ответил он, узнав голос Лилии; сердце дало секундный сбой.

– Я жду вас у «Макдоналдса». Черная «Волга», номер У-100-НА.

В трубке раздался гудок отбоя.

Кирилл посмотрел на компьютерщика.

– Кто это? – спросил тот без особого любопытства.

– Ангел-спаситель, – пробормотал Тихомиров, – или наоборот... – Он спохватился. – Это моя жена... бывшая. Поехали, она ждет нас.

Слежки не было. Во всяком случае, Кирилл ее не заметил, хотя опытом обнаружения наблюдателей обладал немалым. То ли таинственная ПСП потеряла след объекта, то ли обладала большими возможностями. Проверившись несколько раз, Кирилл подогнал машину к «Макдоналдсу» и увидел в ряду машин черную «Волгу» с номером 100.

– Посиди, я сейчас.

Он вылез, направился к «Волге». Распахнулась задняя дверца. Он сел.

За рулем находился не Утолин, как ожидал Кирилл, а незнакомый молодой человек, похожий на тяжелоатлета. А на заднем сиденье вполоборота к дверце сидела Лилия.

– Не удивляйся, – сказала она деловым тоном. – Это машина из гаража управделами президента. Водитель – Коля, он же и охранник.

– Ты, оказывается, большая шишка, – пошутил он.

– Зам. главного бухгалтера контрольно-ревизионного управления. Лаврик с тобой?

– Ждет в машине.

– Езжайте за нами, я провожу вас до своей квартиры, где стоит достаточно мощный компьютер.

– Ты работаешь с Утолиным?

– Нет, он спас меня... дважды... и я просто помогаю ему.

– Значит, это он привозил тебя в Псков? – догадался Кирилл. – То-то «Волга» показалась мне знакомой.

– С точностью до наоборот. Капитан просто сопровождал меня, хотя и по моей просьбе. Но обо всем этом мы поговорим потом. Поехали.

Кирилл молча вылез из кабины «Волги», сел в свою машину. «Волга» выехала на Котельническую набережную, увеличила скорость. Пришлось догонять ее, игнорируя правила уличного движения.

Через полчаса остановились на улице Плеханова с дву-

мя рядами коттеджей самого разного калибра. Когда-то этот район Москвы назывался Поселком художников, а дома его представляли собой дачи, сдаваемые в аренду членам Союза российских художников. Теперь почти все дачи были выкуплены у Союза частными организациями и лицами и перестроены в коттеджи, радующие глаз современным дизайном.

Двухэтажный коттедж за светло-коричневым забором, возле которого остановилась «Волга», был не самым броским и богатым, но выглядел весьма оригинально. Более всего он напоминал миниатюрную копию средневекового собора.

Лилия вышла из машины, махнула рукой.

– Пошли, – сказал Кирилл, вылезая.

Щелкнул замок деревянной двери, включаемый дистанционно. Кирилл увидел зрачок миниатюрной телекамеры, встроенной в домофон, покачал головой: коттедж охранялся серьезно. Что, впрочем, не являлось чем-то исключительным в эпоху разгула воровства и рэкета.

Аккуратная дорожка, вымощенная плиткой, крылечко из плиточного камня, две башенки, стены, стилизованные под грубо обработанные каменные блоки, узкие и длинные окна – стеклопакеты, естественно, высокий фронтон, пилястры, каменные столбы по фасаду – не то колонны, не то декоративное украшение. Еще дверь – с виду тоже деревянная, но тяжелая, основательная, открывается бесшумно и мягко, снабженная специальным рычагом.

Лилия оглянулась, пропуская мужчин.

– Вы первые, кто переступил порог этого дома. Я имею в виду моих знакомых. Георгий не принимал гостей.

Кирилл понял, что она говорит о погибшем муже. Слово «знакомых» отозвалось в его душе слабым протестом, но по сути Лилия была права: в настоящее время он был только ее знакомым. Захотелось спросить: а Утолин тоже не переступал порог этого дома? – но Кирилл передумал.

– Твой муж, судя по всему, не был стеснен в средствах. Кем он работал? Коммерсантом?

– Советником президента, – ответила Лилия.

Кирилл присвистнул, проходя в прихожую, больше напоминающую холл гостиницы. Стал осматриваться.

Мраморные ступени, керамический плиточный пол теплого бежевого оттенка из травертина – мелкозернистого известняка, камин, круглый стеклянный столик с висящими низко длинными светильниками в форме ракет с рядами иллюминаторов. Еще один стол, тоже стеклянный, но побольше и повыше, прямоугольной формы, с хитрой подсветкой снизу, отчего казалось, что светится сама толстая – в два с половиной сантиметра – стеклянная столешница. Красивые колонны из ракушечника, стены со множеством ниш тоже декорированы каменными плитами, в нишах – фигурки странных зверей и птиц, коллекция хрустальной посуды, миниатюрные книги.

Сняли обувь, надели предложенные хозяйкой тапочки, хотя пол в прихожей подогревался и по нему можно было

ходить даже босиком. Прошлись по комнате и за стеклянной стеной обнаружили бассейн с подсвеченной снизу голубой водой.

Никого в доме не оказалось, не считая хозяйки, и Кирилл вполголоса спросил:

– Охрана внизу?

– Ты догадлив, – усмехнулась женщина, наблюдая за ним. – В подвале комната с мониторами, во дворе две собаки. Ну, как вам этот приют?

– Классно! – отозвался Лаврентий за двоих, прищелкнув языком. – Хотел бы я пожить в таком коттеджике. А где машина?

Лилия поняла.

– На втором этаже. У Георгия там кабинет. Пойдемте, покажу.

По винтовой лестнице они поднялись на второй этаж «собора», где располагались две спальни и рабочий кабинет хозяина. Лаврентий сразу подошел к столу и стал осматривать компьютер с плоским плазменным дисплеем и клавиатурой в форме гигантской бабочки. Потрогал мышь, пробормотал:

– Ничего себе, клавиатура... как в ЦУПе... Где вы достали такую машину?

– Не удивляйся, – похлопал его по плечу Кирилл. – У хозяина были связи.

– Это же суперпрофессиональная аппаратура! Я нечто подобное видел только в Госбанке, где работал до нашей кон-

торы. Даже у нас такой нет!

– Ну и прекрасно. Садись и работай.

Лаврентий как замороженный присел на корточки перед панелью процессора, стоящего на полке специального компьютерного стола, поднял голову на Лилию.

– Можно?

– Конечно, – сказала она. – Включайте. Муж говорил, что его трафик не прослушивается. А я пока приготовлю ужин. Кофе принести?

Лаврик не ответил. Он был уже вне сферы досягаемости звуковых раздражителей, общаясь с компьютером на уровне подсознания как с живым существом.

Кирилл и Лилия переглянулись.

– Пойдем пить кофе, – сказал Тихомиров с усмешкой. – Он фанат, компьютер для него нечто вроде дополнительного органа к телу, без которого он не может существовать. Пусть поразвлекается, через час мы его оторвем от машины и покормим.

– Да, фанатизм – страшная вещь, – задумчиво проговорила Лилия. – Если бы фанатики еще думали о последствиях своих увлечений...

– Ты хочешь невозможного. У большинства фанатиков только одна извилина, и та переходит в прямую кишку. Лаврик хоть умнее.

– Что еще хуже. Именно умники изобрели атомные бомбы, напалм и пси-оружие, виртуальные миры и нанотехноло-

гии, грозящие в скором времени уничтожить человечество.

– Ты в этом разбираешься?

– А ты думал, бухгалтеры умеют только сводить дебет с кредитом? Я читаю литературу, интересуюсь наукой. К тому же у меня были хорошие учителя и собеседники.

– Муж?

– Не только. В последнее время я многое узнала от капитана Утолина.

– Ты его хорошо знаешь?

– Достаточно, чтобы доверять. Его концепция устройства Вселенной настолько необычна, что я до сих пор нахожусь под впечатлением. Пошли вниз.

Они спустились в холл-прихожую, Лилия открыла стеклянную матовую дверь, ведущую в кухню, и Кирилл стал разглядывать интерьер пищеблока с множеством встроенных в стены шкафчиков, стойкой бара, с современной плитой, какими-то сверкающими полировкой и никелем агрегатами, телевизором под потолком и холодильником с тремя дверцами. Один из агрегатов оказался кофеваркой. Лилия сварила кофе – себе «эспрессо», гостю «капучино», включила тихую музыку, и они сели в низкие кресла у камина, где стоял еще один столик – деревянный, похожий на большой круглый поднос.

– Так что ты говорила о нанотехнологиях? – поинтересовался Кирилл, стараясь в открытую не пялиться на голые колени женщины. Отхлебнул кофе. Сахар клала сама Лилия,

и его было ровно столько, сколько нужно.

– Только то, что они опасны, – с гримаской ответила Лилия. – Хотя до встречи с капитаном я об этом никогда не думала. Он привел какой-то жуткий пример, к чему может привести сбой в технологиях, и я ужаснулась.

– Какой пример?

– По идее, нанороботы, введенные в организм человека, смогут очищать его от микробов или зарождающихся раковых клеток, а кровеносные сосуды – от холестерина. Но что, если произойдет сбой в их программе и они начнут уничтожать полезные вещества и здоровые ткани? Представляешь? Ведь бороться с ними невероятно трудно.

– Да, действительно впечатляет, – согласился Кирилл.

– Мало того, становится возможным создание селективно разрушительных роботов, воздействующих на определенные этнические группы и даже географические районы.

– Неужели такое возможно? – удивился Кирилл.

– Более чем. Игорь сказал, что он был против запуска этой подпрограммы, так как она ведет к свертке всего игрового объема, но оператор более высокого ранга разрешил ее включение.

– Что еще за подпрограмма? Что он имел в виду?

– Ты разве с Игорем не говорил на эту тему?

Кирилл вспомнил, какую ересь нес Утолин об устройстве Вселенной, улыбнулся.

– Он утверждал, что Земля когда-то была плоской.

Лилия осталась серьезной.

– Так оно и было. Смысловые поля древних людей и современников если и не противоположны, то весьма несхожи. Со временем меняются понятия, термины, языки, мораль, психика, темы общения, взгляды, сумасшедшие идеи овладевают массами – и в результате меняется наша Вселенная! Раньше Земля действительно была плоской и стояла на трех китах.

Кирилл скептически хмыкнул.

– Твой Утолин сказку сочинил, а ты поверила.

– Во-первых, он не мой, во-вторых, это не сказка. Просто ты – человек этой реальности, поэтому тебе трудно принять на веру концепции иного устройства Мироздания.

– А ты, значит, эту концепцию приняла.

– Не смейся. Игорь привел кое-какие интересные факты, и я поверила, хотя принадлежу к той же реальности, что и ты.

Зазвонил телефон.

Лилия встала, взяла трубку, выслушала, молча положила обратно.

– Вот что, Кир... – Она запнулась, изогнув бровь: когда-то она называла его именно так.

Он улыбнулся.

– Продолжай, мне нравится, когда меня так называют.

– Женщина?

– Может быть.

– Ты не женился из-за меня?

– Давай о другом.

– Хорошо. – Глаза Лилии вспыхнули, но она тут же справилась с собой. – Я должна на час уйти, потом поговорим обо всем. Кофе еще хочешь?

– Прежде вопрос: ты давно знаешь капитана?

– Это любопытство или?..

– Или, – засмеялся Кирилл. – Ревность. Шутка. Ты давно его знаешь?

Лилия нахмурилась, взгляд ее потух.

– Он... нашел меня после гибели мужа. И спас от смерти.

– Расскажешь?

– Как-нибудь в другой раз. Все, мне надо идти. Располагайся как дома. – Лилия потянулась, и сердце Кирилла дало сбой, так она была соблазнительно хороша. – Никуда не уходи, это важно.

Она вышла.

Кирилл проводил ее взглядом и подумал, что его сердце – линия, уходящая в прошлое, на том конце которой осталась жена. Но, может быть, все еще можно вернуть? Иначе чем объяснить, почему она краснеет под его взглядом как девочка? Может, не все еще потеряно?

Вспомнился известный романс:

Но и она печальна тоже,
Меня позвавшая любовь.
А под ее атласной кожей
Течет отравленная кровь...

Под его кожей тоже течет отравленная кровь, отравленная прежде всего его фантазиями и ее ревностью. Хотя Лиля никогда не отрицала, что ушла от него из ревности. По любви ли?..

Что-то вдруг изменилось в комнате.

Кирилл насторожился.

Вздрагнул пол. Конвульсивно изогнулись стены холла. На мгновение все три лампочки люстры расплылись в язычки светящегося тумана. Со второго этажа донесся звук лопнувшей струны и приглушенный возглас Лаврика. Кирилл вскочил, бросился из гостиной к лестнице, уже понимая, что компьютерчик запустил свою программу ПН и получил результат, удививший его самого.

Глава 7

Выход в бездну

Ступеньки лестницы под ногами шатались и корчились как живые, стены гнулись, потолок дымился и стекал вниз струйками дыма, однако Кирилл все же добрался до кабинета хозяина коттеджа и толкнул дверь от себя... с удивлением глянув на вмятину в белом прямоугольнике. Повернул ручку, легко выломав ее, ударил ногой по филенке двери и уже почти спокойно воспринял происшедшую с дверью метаморфозу.

Нога вошла в плиту со звуком вытаскиваемой из бутылки пробки, по двери пробежала двойная волна сотрясения, и она рухнула на пол грудой белых перьев, фестонов и пузырей. Кирилл отбросил дверную ручку, ворвался в комнату и едва успел ухватиться за вздрагивающий под рукой косяк двери.

Пол в комнате отсутствовал!

Лаврик сидел в кресле, которое опиралось на удивительный, уходящий в черную шевелящуюся бездну ажурный корень, по мере углубления в бездну наливающийся багровым, малиновым и коричневым свечением. Точно на таком же «корне» стояли стол с компьютером, стойка процессора, книжный шкаф и диван.

Стены комнаты также уходили вниз, будто первого этажа в доме не существовало, и заканчивались лохматыми сосульками, которые постепенно утрачивали плотность и превращались в тающие струи сизого дыма.

Изменилась и форма стола с компьютером. Стол теперь напоминал гриб с перепончатой шляпкой, а монитор врос в него огромным живым глазом на стебельке, и в его зрачке на фоне вспыхивающих паутинок и каких-то расползающихся знаков медленно вращался багровый значок в форме паука и человеческого черепа.

Лаврик сидел, вцепившись руками в край стола, и дивился на экран, изредка тыкая пальцем в клавиатуру, напоминающую теперь панцирь черепахи. При каждом его движении экран вспыхивал, передергивался, и вместе с ним вздрагивало все помещение, превратившееся в жуткую бесконечную шахту.

– Выключи! – рявкнул Кирилл.

Компьютерщик оглянулся. Его лицо пошло красными пятнами возбуждения, и на нем был написан восторг пополам с изумлением.

– Иваныч, получилось! – ликующе воскликнул он. – Она работает!

– Выключи немедленно!

– Подожди, посмотрим, что будет дальше. Она продолжает работать сама и достраивает себя асимптотически.

– Кто она?

– Программа ПН. Самое интересное, что мы подключились к какой-то чужой сети и качаем оттуда информацию. Похоже, этот алгоритм теперь командует не только информационными потоками, но и законами их передачи.

– Посмотри лучше, на чем ты сидишь!

Лаврентий оторвался от экрана монитора, глянул под ноги, и глаза его расширились.

– Черт побери!

– Вот именно! Выключай, пока в эту дыру не провалился весь дом!

– Да погоди ты, не провалится. Это всего лишь видимость дыры...

Лаврик встал, опираясь ногами на невидимый квадрат пола, но вдруг неловко взмахнул руками и провалился. Вскрикнул, хватаясь за подлокотник кресла. С трудом удержался в воздухе, повиснув на одной руке. Пальцы его побелели, но сил удержать тело на весу не хватало, и рука постепенно сползала, чтобы сорваться с ручки и...

Кирилл прыгнул.

Одной рукой он вцепился в дырчато-ажурный, полый с виду «корень» кресла, а второй ухватил Киндинова за воротник рубашки. Ударился телом о «корень». Сжал зубы от боли в локте и в ладони, в которую врезался край дыры «корня», едва не выпустил еще раз вскрикнувшего в испуге компьютерщика. Рубашка Лаврика затрещала.

– Хватайся!

Лаврентий нащупал руками и ногами отверстия в «корне», приник к нему всем телом.

– Честное слово, я не думал, что это взаправду!

– Легко жить не думая, – хладнокровно отозвался Кирилл, глядя в бездну, в невероятной глубине которой зажглись искорки света, складываясь в удивительной красоты сетчатую вуаль. – Вылезай потихоньку наверх, в кресло, я подстрахую.

Лаврик вдруг засмеялся.

– Ты чего? – встревожился Кирилл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.